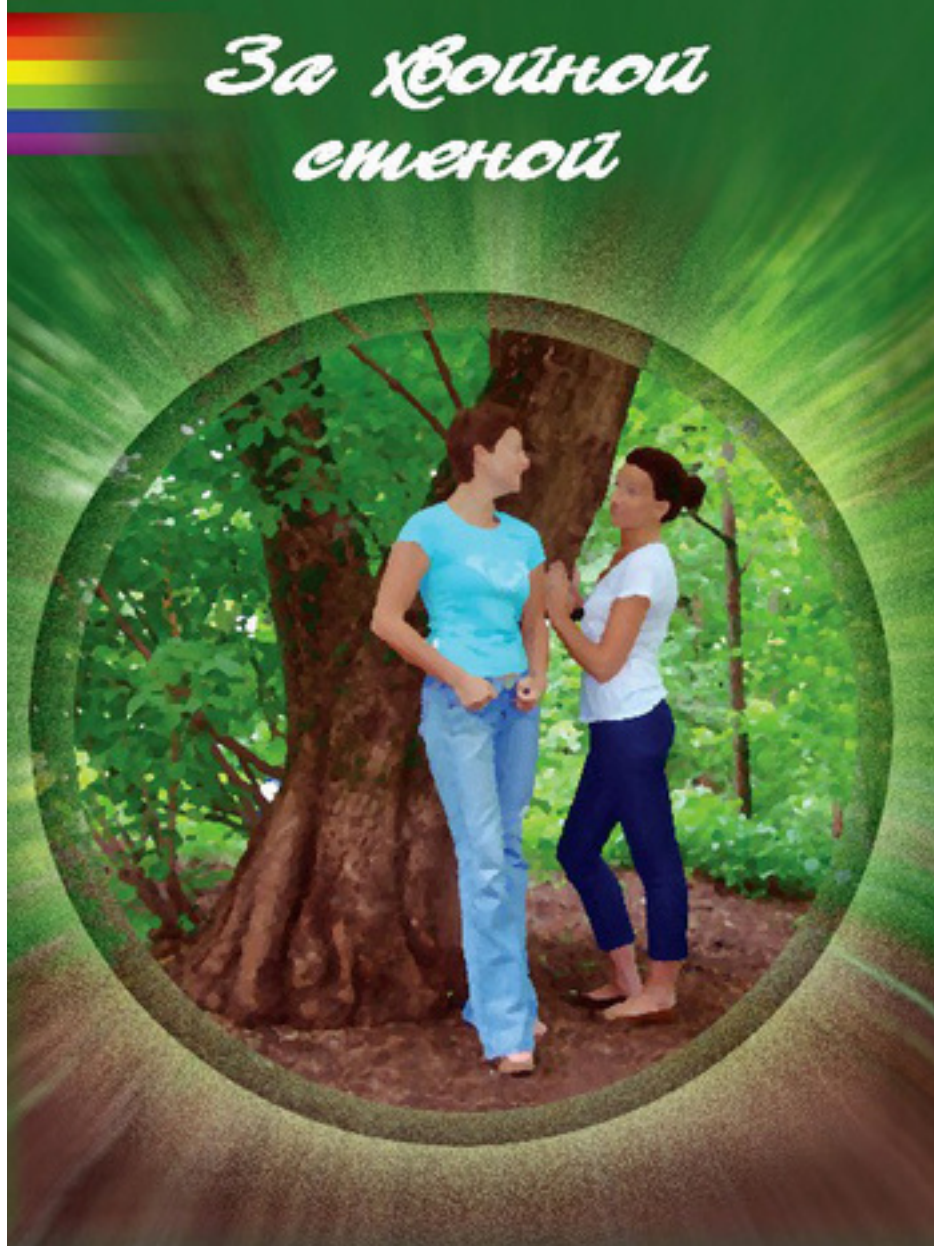

Джерри Хилл

*За хвойной
стеной*

Джерри Хилл

За хвойной стеной

«СОЛИД БУК»

2010

Хилл Д.

За хвойной стеной / Д. Хилл — «СОЛИД БУК», 2010

С детства Кай и Джеки были лучшими подругами, пока их не разлучила судьба. Джеки была выслана из города собственной матерью после признания в своей нетрадиционной ориентации. 15 лет спустя Джеки, успешная и известная писательница, получает известие о смерти ее отца и вынуждена вернуться в родной город...

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Глава третья	12
Глава четвертая	17
Глава пятая	20
Глава шестая	26
Глава седьмая	31
Глава восьмая	33
Глава девятая	37
Глава десятая	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Джерри Хилл За хвойной стеной

*Посвящается Диане... спасибо за все истории из твоего детства.
Уверена, ты не думала, что я слушала!*

Издательство SolidBiz.ru издает лесбийские романы, детективы, триллеры, фантастику, научную фантастику, эротику и общую лесбийскую беллетристику.

Глава первая

Она игнорировала неугомонный телефон, снова удивляясь, почему бы просто не выключить его к черту. Остановившись, она взглянула на написанное, машинально барабанила пальцами по клавиатуре. Через мгновение зазвонил ее сотовый. Посмотрев на определитель номера, она сбросила вызов.

– Боже, Ингрид, я пытаюсь работать, – пробормотала она.

Но ее сосредоточенность рассеялась. Она откинулась на стуле, вытянув руки за головой, прежде чем снять очки и медленно потереть глаза. Она сидела за работой с семи утра, прервавшись только однажды, чтобы долить себе кофе. Удача была на ее стороне, и она давно научилась пользоваться такими моментами. Слишком много дней и ночей – она сидела тут, пытаясь связать мысли в предложения.

Поднявшись и положив на стол тонкие очки, она набрала на сотовом номер Ингрид, одновременно открывая холодильник.

– Это я.

Понюхав апельсиновый сок, который был уже четыре дня как просрочен, она все равно наполнила бокал.

– Где ты была, черт побери? – воскликнула Ингрид.

– Здесь. Работала. Как ты сама сказала мне два дня назад, *у нас горят сроки*, – передразнила ее Жаклин.

– Я часами звоню тебе.

– Да, я знаю. Я тебя игнорировала.

Апельсиновый сок действительно прокис, и она вылила его, поглядывая на кофе.

– Тебя искал один человек. Он сказал, это семейная необходимость.

Помедлив, Жаклин не глядя, поставила кофейник греться.

– Семейное? Чьей семьи?

– Я поняла, твоей. Но я даже не знала, что у тебя есть семья.

– У меня нет семьи, – пробормотала она. Она ненавидела эту нервозность, адреналин, который заставлял биться ее сердце быстрее. Она глубоко вздохнула.

– Как он представился? – она помедлила, прислушиваясь к шуршанию газет на столе ее агента.

– Джон Лоуренс.

Наклонившись над стойкой, Жаклин закрыла глаза.

– Папа?

– Я здесь, малышка.

Джеки стояла в дверях папиного кабинета, уставившись на незнакомца в большом кожаном кресле напротив отца.

– А где твои ботинки, юная леди?

Джеки посмотрела на свои грязные босые ноги и усмехнулась.

– Я играла на улице, папа.

– Тебе лучше успеть помыться до прихода мамы, – предупредил он. –

Или у нас обоих будут неприятности.

– Я помоюсь. Но сначала, могу ли я прокатиться на велосипеде в город?

Еще рано. Я хочу сходить к Кей.

– Конечно. Будь осторожна.

Джеки снова взглянула на незнакомца.

– Кто это?

– Это мой новый юрист, Жаклин. Познакомься с мистером Лоуренсом.

– Ты его знаешь? – спросила Ингрид, возвращая Жаклин к действительности.

– Да, я знаю его, – Жаклин подошла к столу. – Дай мне его номер.

Попрощавшись с Ингрид, Жаклин бродила по гостиной, иногда останавливаясь у окна, чтобы посмотреть на залив Монтерей. Ранний туман рассеялся, уступив место солнцу. Но оно не могло согреть ее.

Она не станет звонить ему. Какие бы у него ни были новости – а они точно связаны с ее родителями – эти новости не интересовали ее. На самом деле, она не могла поверить, что Джон Лоуренс вообще мог искать ее. Ведь прошло уже... пятнадцать лет.

Пятнадцать лет. Она медленно покачала головой. В прошлой жизни. Если честно, она не могла вспомнить, когда в последний раз думала о них. И Кей. Боже, она так давно не думала о Кей, но было совсем не сложно представить улыбающееся лицо подруги детства. Ее лучшей подруги. Конечно, ее дружба с Кей тоже пострадала в войне, развернувшейся между ней и ее родителями. Но это была короткая война.

И они победили.

Быстро пройдя на кухню, она взяла с полки бокал. Было только два часа, но она больше не могла вернуться к работе. И Джон Лоуренс был тому виной. Она выудила из холодильника бутылку шардоне, открытую вчера вечером. Рядом стоял забытый ужин. После первого же глотка желудок напомнил, что завтрак был уже очень давно.

Сроки сдачи книги стремительно приближались, но это не было причиной ее непрерывной работы. Ей просто везло. Последние два дня слова приходили так легко, наполняя страницу за страницей. Нужно было сдать первый черновик только через три недели, и она не говорила Ингрид, что рукопись уже закончена. Когда она успевала раньше сроков, ее издатель имел привычку сокращать их. Поэтому она дожидается последнего дня, чтобы послать черновик Ингрид. То, над чем она сейчас работала, было совершенно новой новеллой, о которой Ингрид ничего не знала. Жаклин не любила делиться набросками, пока не напишет хотя бы три четверти. Слишком много раз она доходила до половины истории, обнаруживая, что рассказ не клеится, и она выкидывала его. Если Ингрид наседала на нее, торопя закончить книгу, желание писать пропадало.

Вернувшись к столу, она уставилась на газету, где начеркала номер Джона Лоуренса. Может, все-таки позвонить ему и узнать, в чем дело?

Она вышла на просторную веранду, с видом на залив Монтерей. Холодный, пронзительный ветер несколько утих, но ранний весенний день был все еще прохладным. Ее взгляд приковали горы Санта Круз вдалеке, обычно скрытые туманом. Она была расслаблена и спокойна, когда на том конце подняли трубку.

– Джон Лоуренс. Чем могу помочь?

Она сглотнула.

– Это Жаклин Кейс, мистер Лоуренс. Я поняла, что вы меня искали.

– Жаклин, спасибо, что перезвонили. Как у вас дела?

Помедлив, Жаклин обвела взглядом залив.

– Хорошо. Все хорошо. Что я могу для вас сделать? – спросила она, прекращая обмен любезностями.

– У меня плохие новости о вашем отце, Жаклин.

– Мистер Лоуренс, я ничего не слышала об отце пятнадцать лет. Не нужно лишних вступлений о плохих новостях. Почему бы вам просто не сказать, что у вас есть новости о моем отце?

Пауза на том конце провода, затем легкое покашливание.

– Конечно, вы правы. Простите меня, мисс Кейс. Ваш отец погиб в автокатастрофе вчера. Ваша мать в критическом состоянии, но говорят, что она поправится. Она в больнице со сло-

манными тазом, ногами и спиной. Обломок ребра проткнул ей легкое, это самое серьезное из повреждений.

Жаклин все еще молчала, оглядывая горы Санта Круз. Она слушала новости, понимая, что не ощущает ни печали, ни сожалений. Их разделяли пятнадцать лет жизни. Очень давно она горевала о потерянной семье. Больше у нее ничего не осталось.

– Понятно, – она помолчала. – Мистер Лоуренс, мне интересно, почему вы посчитали нужным сообщить мне это. Я уверена, вы в курсе, что мои родители вышвырнули меня из своей жизни некоторое время назад.

– Это желание вашего отца. Он хотел, чтобы я связался с вами. Я просто следую его указаниям.

– Понятно, – снова сказала она. – Что ж, спасибо за информацию. Хорошего дня.

Прежде чем она успела отсоединиться, он поспешно заговорил.

– Подождите! Я надеялся убедить вас приехать в Пайн Спрингс. Ваш дядя Уолтер занимается всеми приготовлениями, так как ваша мать в больнице, но мне кажется, вы должны присутствовать на похоронах, – быстро выпалил он.

– Почему вы так считаете? Мистер Лоуренс, мои родители посадили меня в автобус, когда мне было семнадцать лет, и выслали меня из города. Я не слышала о них с тех пор. И я не намерена присутствовать ни на каких похоронах.

– Я думаю, это в ваших интересах, быть здесь, мисс Кейс. Если не вы сами, то может, вы пришлете своего адвоката.

– Моего адвоката?

– Мисс Кейс, вы, вероятно, не в курсе о размерах имущества вашего отца. Не разглашая содержания его завещания, которое еще не приведено в исполнение, я настоятельно рекомендую вам, мисс Кейс, приехать в Пайн Спрингс.

Закрыв глаза, Жаклин слегка потерла лоб двумя пальцами, пытаясь унять накатывающуюся головную боль. Поехать в Пайн Спрингс? Она покачала головой. Она поклялась себе, что ноги ее там больше не будет.

Глава вторая

– Извини? Что? – недоумевала Ингрид.

– Я еду в Техас, – повторила Жаклин. Она ходила по спальне, зажав телефон около уха, вытаскивая одежду и бросая ее на кровать.

– Техас? – пауза. – Техас! Ты с ума сошла? У нас сроки, если ты вдруг забыла! Ты просто не можешь поехать в Техас, – кричала Ингрид в трубку.

– Мой отец погиб в автокатастрофе, – спокойно выговорила Жаклин. – Нужно уладить некоторые дела.

– Твой отец? Прости, Жаклин, но ты никогда не говорила о семье. Извини.

Жаклин складывала джинсы, удивляясь, почему она никогда не рассказывала Ингрид о своем детстве. Ингрид была ее агентом, и старше почти на двадцать лет, но все же они были друзьями. Она спрашивала себя, почему они никогда не заговаривали об этом.

– Я уехала из дома, когда мне было семнадцать. И не вернулась.

– Почему?

Замолчав, Жаклин оглядела комнату отсутствующим взглядом.

– Я лесби.

– Да, я знаю. Я тоже.

Жаклин коротко улыбнулась.

– Я оказалась лесби, и поэтому я стала нежеланна в своем доме, – объяснила она. – Нежеланна в Пайн Спрингс.

– Тогда зачем ты возвращаешься?

Да, зачем, Жаклин? Зачем ехать в город, который смеялся над тобой? Зачем возвращаться к матери, которая считает тебя ненормальной и позором семьи?

– Проститься, – тихо произнесла она. И это было правдой. Она так быстро исчезла из города, что не было времени ни с кем попрощаться. Особенно с Кей. У нее не было времени, чтобы разобраться в своих чувствах, и даже чтобы обдумать, что происходит в ее жизни. Однажды она проснулась утром и оказалась в автобусе, идущем из Пайн Спрингс.

– Проститься?

– Да, проститься. И может, встретиться с матерью, показать, что я выжила.

– Если она не жила в пещере все эти годы, я уверена, она знает, что ты выжила, Жаклин. Две твои новеллы экранизированы, так что даже в Техасе в Пайн Спрингс, – где бы там ни было – я уверена, они слышали о тебе.

Жаклин прошла в гостиную, нуждаясь в пространстве, желая увидеть залив. Раздвинув двери, она вышла, игнорируя туман и холодный ветер, взлохмативший ее светлые волосы.

– Мой отец был мэром Пайн Спрингс, когда я училась в выпускных классах, – проговорила она, тяжело облокотившись о перила веранды. – Моя семья владела самым большим лесопильным заводом в Западном Техасе, так что они были на виду. Дочь-лесби – это сплетня для всего города. Они посадили меня в автобус с сотней долларов в кармане и велели не возвращаться, пока я не одумаюсь.

– Боже. Ты серьезно?

– Очень.

– Зачем же ты туда едешь? Ты думаешь, что обязана им чем-то?

– Нет, я ничего им не должна. Возможно, я хочу, чтобы они увидели, кем я стала, – призналась Жаклин. Несмотря на предупреждение своей матери, что она приползет обратно на коленях, умоляя принять ее, она выжила. И она гордилась этим. Нет, она ничего им не должна.

Она услышала вздох Ингрид, зная, что та закручивает седые волосы за ушами, считая до десяти, чтобы поднять вопрос о книге.

- Я не хочу показаться безразличной, Жаклин, но... что на счет книги?
 - Не волнуйся, Игги, я возьму с собой ноутбук. Я могу отослать по емейлу все, что нужно.
 - Господи, Жаклин, я терпеть не могу, когда ты меня так называешь.
 - Да, я знаю. И я обещаю тебе, что уложусь в сроки.
 - Ты возьмешь с собой мобильный?
 - Конечно.
 - Думаешь, у них там есть связь?
- На этот раз Жаклин рассмеялась.
- Ингрид, я еду не в страну третьего мира.
 - Да, я знаю. Прости. Просто...
 - Я когда-нибудь срывала сроки?
 - Нет.
 - Вот-вот. И перестань волноваться. Скорее всего, я вернусь уже через неделю.
 - Держи меня в курсе, пожалуйста. Ты же знаешь, у меня давление.

Жаклин отсоединилась, все еще стоя на веранде. Белые облака застыли над заливом, унося ее в воспоминания в беззаботное детство.

- Давай, Кей. Ты сможешь.
- Я не знаю, Джеки. Это высоко.
- Я обещаю, что не дам тебе упасть, – наклонившись, Джеки протянула руку Кей. Кей не колебалась. Она позволила Джеки затащить ее на нижнюю ветку дерева, усевшись верхом как на лошади.

– Видишь? Проще простого, – указала Джеки. – Если бы мы смогли добраться вон туда, нам бы обоим хватило места. И это достаточно высоко, чтобы Сэмми не надоедал нам.

- Джеки, я не смогу залезть так высоко. Мама убьет меня, если узнает. Джеки рассмеялась.

– Она убьет тебя, только если ты свалишься!

Опираясь на плечо Кей, Джеки засунула свои грязные кроссовки между веткой и стволом старого дуба, забираясь еще выше. Она оглянулась на испуганную Кей.

- Ну, давай. Лезь за мной.

Когда их голубые глаза встретились, выражение лица Кей обрело решимость, и она последовала за Джеки. Джеки нашла подходящую ветку, достаточно широкую, чтобы уместить их обоих. Наклонившись над расщелиной, она снова протянула руку Кей.

Они откинулись, тяжело дыша после подъема. Кей засмеялась.

- Что смешного?

– Я бы не сделала это ни для кого другого, – сказала она.

- Что?

– Залезть так высоко. Ты же знаешь, я боюсь высоты. Помнишь, как я упала с крыши сарая?

– Да. Но ты сделала это. Видишь? Мы на вершине мира, – Джеки взмахнула руками в сторону верхушек деревьев.

Жаклин рассмеялась. Это был первый раз из многих, когда они вскарабкались на старый дуб в саду Кей. Первый раз, когда мать Кей поймала их и отлупила ремнем. И ее нельзя за это винить. Им было по десять, когда они начали лазать на это чертово дерево. Наклонившись над

переборами, она закрыла глаза, вспоминая, когда в последний раз они забрались туда. Они были выпускниками школы. Жаклин нужно было поговорить, она хотела поделиться с Кей тем, что с ней происходит, что она чувствует. Она еще никому не рассказывала об этом, и ее разрывало на части. Не придумать места лучше, чем их дерево. Они многое обсуждали на этом дереве. Строили грандиозные планы, сплетничали, прятались от Роуз. Они всегда всем делились друг с другом. У них не было секретов.

Кроме одного. И, в конце концов, Жаклин не смогла рассказать Кей, что она лесби. Она боялась, что Кей больше не захочет быть ее подругой, а она была ее лучшей подругой, единственной, которая имела значение. Но вскоре все вышло из-под контроля. И через несколько недель, она уже была в автобусе, уносившем ее из города, чтобы никогда туда не вернуться.

Она выпрямилась, глядя на Тихий океан. Никогда не вернуться, до сегодняшнего дня.

Глава третья

Самолет на Даллас был переполнен, несмотря на ранний утренний час, и Жаклин пыталась вытянуть длинные ноги, не обращая внимания на молодого человека рядом с ней, который нервно барабанил пальцами по коленям.

– Первый раз, – наконец, сказал он.

– Я понимаю, – пробормотала она.

– А вы?

– Нет, – она вытащила ноутбук в надежде предотвратить дальнейшую беседу. Она тоже нервничала, но совсем не из-за полета. Она откинула волосы со лба, намереваясь немного поработать, но мысли ее были далеко. Жаклин так давно уже не думала о родителях, что почти не помнила, как они выглядят. Но зато она очень хорошо помнила тот день, когда они отправили ее из города. Она стояла там, в поношенных джинсах и истертых кроссовках; а ее мать была разодета для коктейльной вечеринки в загородном клубе.

– Мы купили тебе билет до Далласа. Куда ты поедешь оттуда – уже твое дело.

– Почему вы поступаете так со мной?

– Ты прекрасно знаешь, почему, Жаклин. Из-за тебя мы стали посмешищем для всего Пайн Спрингс, не говоря уже о Женской Лиге. Мы просто не можем позволить, чтобы это продолжалось, а ты, кажется, думаешь, что родилась такой! Подумай об отце. Его не переизберут на следующий год. Это ужасно!

Жаклин закрыла глаза, вспоминая боль, которую испытала в тот день. Она поклялась тогда, что больше не вернется, что бы ни случилось. Но, тем не менее, вот она в самолете на Даллас.

Жаклин хотела верить, что они пытались напугать ее. Но она была слишком гордой и слишком упрямой. После ее смелого признания несколько недель назад в том, что она не выйдет замуж за Дениела Торнтонна потому, что ей нравятся девушки, ее отец отказался даже смотреть на нее, а тем более говорить. Все ее старания были напрасны, отец просто отворачивался от нее. Ее мать, напротив, не упускала возможности сказать, что в нее вселился дьявол, и, несомненно, Брат Гарнер сможет вразумить ее. Жаклин заставили провести с ним два сеанса, во время которых он пытался исцелить ее. Этого она никогда не забудет.

Она попыталась улыбнуться. Это могло быть смешным, если бы не происходило с ней. Казалось, неделя тянулась вечность. Слухи быстро заполнили город, все говорили о ней, особенно в школе. Друзья вдруг стали избегать ее, а женская раздевалка пустела, когда подходила ее очередь принимать душ.

– Куча идиотов, – пробормотала она. Все, кроме Кей. Она никогда не избегала ее. Казалось, что она даже озадачена всеобщим поведением. Но она никогда не заговаривала об этом.

Жаклин намеренно сконцентрировалась на ноутбуке, положив пальцы на клавиатуру, отгоняя дальнейшие воспоминания. Они из другой жизни. Погружение в них не принесет ничего хорошего. Но все же, зачем она возвращается? Попрощаться? Встретиться с матерью? Показать всему городу, чего она достигла после того, как покинула сосновый занавес?

Она сомневалась, что кто-то вообще помнит о ней.

Через несколько часов Жаклин ползла в пробке Далласа. Плотной, да, но не на столько, как в час пик в Сан-Франциско. Не заблудившись, она быстро нашла федеральную автостраду и направилась на запад по I-20. Она умышленно арендовала самую дорогую машину, которую

только смогла найти. Для удобства, как она объясняла себе, но зная, что это не так. Лексус однозначно будет выделяться в Пайн Спрингс.

После остановки на обед в кафе Тайлер, Жаклин повернула на юг. В лучшем случае у нее было еще три часа. Но в этот прекрасный весенний полдень она не спешила, наслаждаясь поездкой. Красивые деревья багряника цвели и, казалось, соревновались с белоснежным кизилом. Азалии, только начавшие распускаться, были гордо выставлены почти у каждого дома. Скоро дорогу практически проглотили сосны, и она ощутила такое непривычное спокойствие. Сосновый занавес. Почему же она чувствует себя так спокойно, возвращаясь обратно?

Время и километры летели быстро. Сверившись с направлением, она свернула с главной дороги за Раском, углубляясь в Пиней Вудс. Крошечные городишки, просто точки на карте, словно застряли в прошлом, зависли в средневековье. Старые фермерские дома жались у леса, а коровы лениво взирали на пастбище. Все это так отличалось от квартиры у океана, которую она теперь называла домом. Она бесцельно ехала, а мысли путались, в то время как километры коротечно пролетали.

Ее дыхание замерло, когда она увидела вывеску. ПАЙН СПРИНГС. 20 МИЛЬ. Только теперь, это стало реальностью. Она возвращалась домой.

Эту часть дня Жаклин хорошо помнила. Поздний полдень скоро сменится ранним вечером. В детстве, Жаклин обычно неслась в это время домой на своем велосипеде, пытаясь обогнать солнце и свой комендантский час. Она неслась по дороге, гравий вылетал из-под колес велосипеда при торможении, и врывалась на кухню, как раз во время, чтобы наткнуться на свирепый взор своей матери.

- У Луизы готов ужин. Твой отец уже за столом, юная леди.
- Я не опоздала.
- Ты неумытая. Что приключилось с тобой сегодня?
- Ничего. Бейсбол.
- Бейсбол? Сколько раз я тебе говорила? Это спорт не для леди.
- Я не леди. Кроме того, я лучше их.
- Ты уже взрослая, чтобы играть с мальчишками, Жаклин. А сейчас иди, умойся.

Улыбка невольно заиграла на ее губах, когда она вспомнила их частые споры за ужином. Родители хотели, чтобы она вступила в команду болельщиц, но она наотрез отказывалась. *Болельщицы?* Ради Бога. Жаклин мечтала вступить в баскетбольную команду. И она сделает это, *чего бы ей это не стоило.*

Жаклин сбросила скорость на подъезде к Пайн Спрингс, удивляясь тому, что все кажется таким знакомым. Мало что изменилось за эти годы. Пересекая мост, она посмотрела вниз на реку и воспоминания нахлынули на нее с новой силой. Как только показались знакомые постройки, она поняла, что центр города несколько не изменился. Старое здание суда с магнолиями по углам выглядело точно таким же, каким она его помнила. На другой стороне улицы одинокий банк подпирает магазин полезных мелочей, который на удивление все еще работал. На улице было мало машин, и она полагала, что все магазины закрываются в пять, а люди спешат домой к детям и ужину.

Ее пронзила мысль. Какого черта она здесь делает? Она здесь совсем чужая. Прошло пятнадцать лет, целая жизнь. Она больше не испуганный ребенок в автобусе, а взрослая женщина, успешный писатель. Этот город ничего не мог ей дать, кроме болезненных воспоминаний, а она ничего не могла предложить ему. Но это не совсем правда. Не все воспоминания плохие. У нее было прекрасное детство, родители баловали ее, покупая ей то, чего не могли позволить себе остальные семьи. Сейчас она понимала, что они делали это, чтобы доказать

всем, что у них много денег. Но все же она была счастлива. И она была лучшей в спорте, а не среди болельщиц.

А потом случилось это, ранним весенним днем в выпускном классе. Она, наконец, смогла описать словами то, что чувствовала уже очень давно. Лесби. Жаклин помнила свое состояние и одиночество, пытаясь сохранить все в секрете. Даже Кей ничего не знала.

Но на самом деле именно чувства к Кей открыли Жаклин ее ориентацию. Стало очевидно, что она хочет быть с Кей, а не с ее так называемым парнем. Лежа ночью в кровати, она думала о Кей. И охватившая ее ревность, когда на студенческом балу она увидела, как Кей целуется с Билли Рей под трибунами в спортивном зале. Этим вечером все стало предельно ясно. Жаклин другая. Она была здесь чужой. И понемногу она стала отдаляться от Кей, храня свой секрет. Совсем скоро она поступит в университет, и ей больше не придется об этом волноваться. Они с Кей расстанутся. Но вдруг родители подняли вопрос о ее замужестве с Дениелом Торнтоном, которое уже согласовали с его семьей. Нет, Жаклин определенно не выйдет за Денни Торнтон.

Так все и открылось. Ее секрет. Через неделю уже весь город знал, и за десять дней до выпускного мать посадила Жаклин в автобус и отправила ее с позором.

Гудок напугал ее, и она встряхнула головой, осознав, что пропустила светофор, блуждая в своих мыслях и воспоминаниях. Она проехала перекресток на красный свет, без сомнения разозлив водителя сзади.

Мотель, в который ее направил мистер Лоуренс, находился на центральной улице и имел дешевую и потертую вывеску, насмешливую Жаклин. *Мотель Пайн Спрингс. Сними ботинки и оставайся.*

– Почему кто-то должен это делать?

Но она все же припарковалась у таблички, висящей на старой сосне. Вокруг было всего три машины, что заставило ее подозрительно покоситься на мотель. Джон Лоуренс предложил остановиться у него, но она настаивала на гостинице. Может, стоит передумать. По всему было видно, что мотель не ремонтировался уже лет тридцать.

Портье, неряшливый, бородатый мужчина с кусочком табака за щекой, сплюнул в грязную чашку, как раз в тот самый момент, когда она входила. Жаклин вздернула бровь.

– Вам помочь, мэм? Хотите снять номер?

– Вообще-то... нет, спасибо.

Повернувшись, она быстро вышла, дойдя до машины, достала телефон из кармана джинсов и стала искать в списке номер Джона Лоуренса, который добавила только этим утром. Прислонившись к машине, она ожидала ответа, смотря в темнеющее небо и незаметно улыбаясь почти полной луне, поднявшейся над соснами.

– Аллю.

– Мистер Лоуренс? Это Жаклин Кейс, надеюсь, я не оторвала вас от ужина.

– Добрый вечер, Жаклин. Нет, нет, вы не помешали. Думаю, вы добрались.

– Да. Без проблем. Я сейчас в мотеле, – она откашлялась, посмотрев на потертую вывеску. – Ну, на парковке. И я боюсь зайти.

Его искренний смех заставил ее улыбнуться, снимая напряжение.

– Я пытался вас предупредить.

– Я хотела спросить, могу ли я передумать на счет вашего предложения.

– Мэри приготовила для вас комнату. Мы готовимся ужинать. Я уверен, у вас много вопросов.

Она облегченно выдохнула, открыв дверцу и садясь в машину.

– Прекрасно. Простите, но я не помню, где вы живете.

– Мы переехали в загородный клуб, не далеко от нового дома ваших родителей. Около девятой лужайки. Вы помните, как добраться до загородного клуба?

– Думаю, да. Я много играла в гольф и должна найти.

– Мы на улице Феирвей, третий дом налево, звоните, если потеряетесь. Улицы достаточно извилистые.

– Спасибо. Скоро увидимся.

Вернувшись на шоссе, она поехала через центр города, темные улицы уже опустели. Единственное оживленное место было в Дейли Март. Видимо, это было все еще популярное место для школьников. Она ехала по знакомым улицам, удивляясь, что помнит дорогу.

Подъезд к загородному клубу был как всегда впечатляющим, хотя в прежние времена не было автоматических ворот. Она назвала свое имя охраннику, который, сверившись со списками гостей, пропустил ее, быстро показав, как добраться до дома Лоуренса. Пятнадцать лет назад загородный клуб только начинал строиться. Тогда здесь была только горстка домов. Она помнила, как родители обсуждали, хотят ли они строить там дом. Вероятно, они решились. Но даже тогда они проводили много времени в загородном клубе. К радости своей матери, Жаклин хорошо играла в гольф, часто сопровождая ее по выходным.

Легко найдя дом Лоуренса, она припарковалась на пяточке. Фары выдали ее прибытие, так что на переживания не осталось времени. Входная дверь тут же распахнулась. Джон Лоуренс не сильно изменился за пятнадцать лет, кроме цвета седеющих волос, который она помнила. Теперь они стали белыми. Жаклин узнала его жену Мэри, стоящую позади него. Годы больше повлияли на нее, и она выглядела на десять лет старше мужа. Когда они оба замахали, ее смущение развеялось. Может, все не так уж и плохо.

Схватив сумку с заднего сиденья, она перекинула ручку через плечо и вышла. Жаклин остановилась, ощутив аромат жасмина в воздухе, который всколыхнул в ней множество воспоминаний. Легко улыбнувшись, она подошла, протянув руки для приветствия.

– Жаклин Кейс, Боже мой, посмотрите-ка.

– Миссис Лоуренс, как поживаете?

– Дорогая, зови меня Мэри. Я так рада, что ты приехала.

– Спасибо, что разрешили мне остановиться у вас почти без предупреждения. Мотель... что ж, гадюшник слишком мягкое слово.

Рассмеявшись, они проводили ее в дом. Просторный, но без претензий и очень уютный. Чета Лоуренсов всегда ей нравилась. Они не соответствовали привычному кругу друзей ее родителей. Их дом не был демонстрацией богатства, это был просто дом. Чего бы она никогда не сказала о месте, где выросла.

– Когда я позвонил вам, я боялся, что вы откажете мне. На самом деле, я ожидал этого, – признался Джон Лоуренс.

– Честно говоря, я сама не знаю, почему согласилась приехать. Я не чувствую, что обязана им чем-то.

– Понимаю. Позже, у нас будет время поговорить. А сейчас устраивайтесь, и мы поужинаем.

Мэри быстро показала дом, и Жаклин была благодарна, что ее комната оказалась в другой части дома от их спальни. По крайней мере, она не будет чувствовать, что мешает им. Бросив сумку на кровать, она повернулась к Мэри, почувствовав ее взгляд на себе.

– Это все, что ты взяла с собой?

– Другая сумка с костюмом в машине, я принесу ее позже.

Взглянув через плечо, Мэри приблизилась.

– Я знаю, что наверно это тяжело для тебя, Жаклин. Но мы оба решили, что ты имеешь право быть здесь, если захочешь. Конечно, после того, что случилось много лет назад, я бы не винила тебя, если бы ты не приехала. Ты можешь не верить, но это была идея не твоего отца отослать тебя. Просто твоя мать... она сошла от этого с ума. Она раздула проблему, считая,

что весь город смеется над ней. А по правде, большинству людей было все равно. Когда все узнали, что она выслала тебя из города, многие это не приняли.

– Она знает, что я здесь?

Мэри покачала головой.

– Джон подумал, что это не слишком хорошая идея, рассказать ей.

– Как она, Мэри? В состоянии быть на похоронах?

– Нет. Она перенесла две операции. Если я правильно поняла, она пробудет в больнице еще неделю или около того, пока они не перевезут ее домой. И даже тогда, ей понадобится сиделка, чтобы ухаживать за ней.

Жаклин попыталась найти сочувствие в глубине души или что-то подобное, но ничего не ощутила. Ее мать значила для нее не больше, чем посторонний человек, и она не сожалела о ней.

– В какой она больнице?

– Она здесь, в Пайн Спрингс.

Жаклин вздернула брови.

– В Пайн Спрингс есть больница?

– О, да. В восточной части города, который сильно разросся.

Жаклин нахмурилась.

– Здесь есть больница, но нет мотеля?

Она посмотрела на слегка покрасневшее лицо Мэри.

– Возможно, Джон кое-что умолчал. В восточной части есть новый мотель.

– А он послал меня в старый мотель Пайн Спрингс?

Мэри улыбнулась.

– Он очень хотел, чтобы ты остановилась у нас. Он не мог позволить себе, чтобы ты чувствовала себя изгоем, остановившись в мотеле. Слухи быстро распространяются.

– Так значит, город растет, но сплетни все равно разлетаются?

– Жаклин, твой отец был очень влиятельным человеком, так что сплетни и пересуды распространялись как пожар.

– Я не понимаю.

– Пойдем. Накроем стол к ужину. А после Джон обсудит с тобой дела.

Глава четвертая

– Присаживайся, пожалуйста, – предложил мистер Лоуренс, указав на кожаный диван в своем кабинете. Он отошел, чтобы взять стаканы из бара.

– Скотч или бренди?

– Бренди, пожалуйста.

Протянув ей стакан, он присел рядом. Жаклин молча потягивала напиток, оглядывая комнату. Юридические книги заполнили одну стену, а другие были увешаны семейными фотографиями. На некоторых она узнала его сына и дочь с внуками.

– Жаклин, я хочу, чтобы это прозвучало как комплимент, ты сильно изменилась за эти пятнадцать лет. Сорванец, которого я помню, вырос в красивую женщину.

– Спасибо.

– Ты не будешь против, если я спрошу, как ты тогда справилась? Конечно, если это не мое дело, просто так и скажи мне.

Она пожала плечами.

– Сначала было тяжело. Очень тяжело. Когда я добралась до Лос-Анджелеса, работала год официанткой, откладывая все, что удавалось. Затем я поступила в университет, днем училась, а ночью работала, – она снова пожала плечами. – У меня все получилось.

– Я думаю, твой отец надеялся, что ты свяжешься с ним за спиной матери. Он был вне себя первые годы, когда ничего не слышал о тебе. Он во всем винил ее. Если бы не его положение в обществе, я уверен, что он развелся бы. С годами их брак трещал по швам.

– Так или иначе, мне все равно, мистер Лоуренс.

– Пожалуйста, зови меня Джон.

– Конечно.

– Это может ничего для тебя не значить, но твой отец очень гордился тобой.

– Гордился? Я обесчестила семью. На самом деле, он не разговаривал со мной последние две недели, когда я была здесь. Даже не смотрел в мою сторону.

– Он был был шокирован, Жаклин.

– Я уверена, что был, тем более, когда он уже договорился о моей свадьбе с мистером Торнтоном.

Рассмеявшись, Джон отпил из своего стакана.

– По иронии судьбы. Дениел поступил в одну из этих школ Лига Плюща на отделение права. Следующее, о чем узнали его родители, это то, что он перебрался в Нью-Йорк и стал актером.

– Правда? Денни?

– Да.

– Как у него дела?

– Они рассказали мне, что он принимал участие в паре бродвейских шоу. Но, – он пожал плечами. – Он умер от СПИДа десять или двенадцать лет назад.

– СПИДа?

– Да. Он был геем.

Жаклин уставилась на него.

– Ирония судьбы. Если бы не его смерть, это было бы смешно.

– Да, такая ситуация. Я думаю, что твоя мать чувствовала, что мир рушится вокруг нее. Она отослала тебя потому, что ты была лесби и отказалась выходить замуж за Дениела Торнтон. А через несколько лет стало известно, что их названный зять тоже гей. Поверь мне, что новость о том, что лидер школы оказался геем, была намного скандальней, чем о тебе.

Она улыбнулась, вспоминая о невинных свиданиях с Денни. Она должна была догадаться. Она думала, что дело было в ней, но, видимо, Денни тоже был доволен их платоническими отношениями.

Джон подошел к своему столу, взяв большую папку, и стал нервно теревать ее в руках.

– У меня есть кое-что для тебя. Нам нужно обсудить некоторые вещи.

Жаклин смотрела на него, подняв брови, когда он открыл папку и достал маленький белый конверт. Ее имя было напечатано на нем.

– Твой отец написал это для тебя несколько лет назад. Как я и сказал, он гордился твоими успехами. Тем более, что ты добила все без его помощи.

Он протянул конверт. Жаклин взяла его, уставившись на свое имя прежде, чем положить его на колени. Сложно было догадаться, что отец хотел сказать ей. Возможно, хотел извиниться. Что ж, она прочтет письмо позже, если вообще прочтет.

– Это его завещание. Позже будет его официальное прочтение, но я думаю, ты должна узнать раньше остальных. Будут проблемы, это точно.

– Проблемы?

– Да. Он много оставил твоей матери, конечно же. Больше половины своих активов. Но компанию – Кейс Индастрис – и другое имущество, он оставил тебе.

– Что?

– Твой дядя, который управлял лесопильным заводом много лет, может опротестовать завещание. От самой лесопилки твой дядя имеет сорок процентов. Но ты должна понять, что завод – это малая часть Кейс Индастрис. И ты можешь быть уверена, что помимо дяди, твоя мать тоже попытается опротестовать завещание.

– Боже мой, Джон! Почему он вообще включил меня в завещание?

– На поверку, кажется, что он просит прощения за то, как они поступили с тобой. В действительности, он по-настоящему любил тебя.

– Но, я не могу принять это. Мне не нужны его деньги. Я не хочу этих денег.

– Понимаю. Я просто его адвокат и исполнитель его воли. Если ты предпочтешь продать дело или отдать его дяде или матери, это твое решение. Ты, вероятно, не представляешь его стоимости, а она солидная, Жаклин. Его бизнес не ограничивается лесопилкой. На самом деле, известно, что он был гарантом банка все эти годы, но никто не знает, что банк обанкротился бы, если бы он забрал свои деньги. Кейс Индастрис контролирует банк, – он помолчал. – Может, после того, как ты все обдумаешь, ты решишь принять это.

Поднявшись, Жаклин нервно заходила по комнате. Этого она не ожидала. Если само ее появление в городе не довело мать до смерти, это известие точно завершит дело.

– Он контролирует банк? – тихо спросила она.

– Да.

– Как?

– Это относится еще к временам твоего дедушки. Неправильные деловые решения довели банк до невероятной нужды в капитале. Твой отец помог им, используя Кейс Индастрис. Взамен он обеспечил себе заем для дальнейших планов по очень низким процентам. Сейчас банк финансово очень устойчив. Несколько лет назад твой отец нанял финансового консультанта из Хьюстона, чтобы следить за инвестициями. Официально он никак не связан с банком. Честь носить титул президента досталась мистеру Уэллсу, но за твоим отцом всегда оставалось последнее слово. И твой отец полностью доверял ему.

У Жаклин не было слов.

– И моя мать ничего об этом не знает?

– Нет. Она думает, что у него был маленький процент в банке. Полагаю, она считает, что это все досталось ей, наряду с лесопилкой и бизнесом, конечно.

– Господи, – пробормотала она.

Джон улыбнулся.

– Нет, он не включил Брата Гарнера в завещание.

Глава пятая

У Жаклин был один свободный день перед похоронами, поэтому, последовав совету Мэри, она поехала в город, отгоняя мысли об игре в гольф. Никто не играет в гольф накануне похорон своего отца, даже в такую прекрасную погоду.

Оказалось, что она едет обратно в старый центр, где в свете дня здания выглядели более серыми. И маленькими. Пайн Спрингс совсем не изменился. Пекарня Добсона находилась на том же углу. Рядом располагался мясной магазин. Она усмехнулась, заметив вывеску кафе. Кафе Гарландов – Только Хорошая Еда. Боже, от этого нахлынули воспоминания. Семья Кей владела этим кафе, сколько Жаклин себя помнила, она провела много воскресных дней, помогая Кей и ее сестре Роуз с посудой, что особенно раздражало ее мать. Кафе – это не место для дочери мэра. Внезапно, Жаклин решила выпить чашечку кофе. Может, миссис Гарланд будет там. В конце концов, было бы приятно поздороваться.

Когда дверь открылась, тренькнул звонок, и она посмотрела вверх, будучи уверенной, что это тот самый звонок, который она помнила. Несколько любопытных взглядов были брошены на нее из засидевшейся завтракающей толпы, но разговоры не прекратились. Уверенно подойдя к бару, она села на один из старых стульев и стала ждать. Звонок и окрик из кухни оповестил о готовности заказа. Молодая женщина схватила две тарелки и поспешила отнести завтрак к столику.

– Боже, что я вижу! Посмотрите-ка, кто пришел!

Обернувшись, Жаклин обнаружила на себе взгляд Роуз Гарланд – взрослую, выросшую версию ребенка, который повсюду таскался за ними с Кей. Жаклин слегка улыбнулась и приподняла брови, не совсем уверенная, как воспримут ее появление.

– Я удивлена, что ты меня узнала.

– Дорогая, больше ни у кого на свете нет таких голубых глаз, как у тебя, – рассмеявшись, она приблизилась. – Может мне отойти на случай, если молния пробьет крышу?

– Неплохая идея.

– Подумать не могла, что мы снова увидим тебя, Джеки. Как ты?

– Хорошо.

– Сожалею о твоём отце, но мы не знали, что ты приедешь на похороны. Мы с Кей как раз говорили о тебе прошлым вечером. Мы сомневались, что кто-то вообще с тобой свяжется.

– Да? Как Кей?

– Кей? Она в порядке. Владеет магазином Холлмарк в новом центре, – Роуз налила кофе и поставила перед Жаклин. – Так ты вернулась. Где они тебя нашли?

– Монтерей.

– Где это? В Калифорнии?

Жаклин кивнула.

– К югу от Сан-Франциско.

– Что ж, это тебе подходит. Ты прекрасно выглядишь.

– Спасибо. Ты не сильно изменилась, Роуз.

– О, пожалуйста. Кого ты обманываешь? Четверо детей и мамина стряпня сделаю это с твоим телом – засмеялась она, указывая на себя.

– Ты чудесно выглядишь. Ты всегда была худеньким, маленьким ребенком.

– Да, я была, но проглотила этого человечка несколько лет назад, – рассмеялась она. – Я позову маму. Она захочет поздороваться с тобой.

Прежде чем Жаклин успела воспротивиться, миссис Гарланд поспешила из кухни с радостной улыбкой на лице.

– Джеки Кейс, не верю своим глазам! Обними меня.

Жаклин послушно стояла, пока эта крупная женщина обнимала ее.

– Боже мой, ты так выросла, – миссис Гарланд держала ее на вытянутых руках, разглядывая. – Ты стала красивой молодой леди, Джеки. Твой отец гордился бы тобой.

Жаклин нерешительно улыбнулась.

– Сомневаюсь. Я не настолько изменилась, миссис Гарланд.

– Уф. Это все твоя мать сделала. Как будто мы могли думать хуже о тебе или твоей семье. Мы же не в пятидесятых живем, Жаклин.

На это Жаклин рассмеялась. Да, Пайн Спрингс точно застрял где-то между 1950 и 1970, она была уверена. Но ей была очень приятна такая встреча в кафе Гарландов. Она должна была знать, что люди, которые любили ее, как свою родную, не отвернулись бы от нее никогда.

– Ты надолго приехала?

– Пока не знаю. Вообще-то я еще не навещала мать. Уверена, это будет то еще развлечение.

– Хотелось бы посмотреть на это, – подмигнув, сказала миссис Гарланд. – Превратившись в муху на стене. Прости мою глупость, но я никогда не понимала эту женщину, как можно выслать из города своего ребенка? Я не разговаривала с ней последние пятнадцать лет.

– Мама, ты же не посещаешь загородный клуб, – напомнила ей Роуз. – Да и она никогда сюда не заходила.

– Ну, все же. Она поступила не по-христиански, тем не менее, она ни разу не пропустила воскресную мессу. Будем надеяться, что она молила о прощении.

Жаклин улыбнулась, зная, что такая мысль никогда бы не посетила голову ее матери. Мадлен Кейс была убеждена, что не сделала ничего предосудительного.

– Хватит об этом. Я так рада, что ты вернулась. Ты должна встретиться с Кей. Она сойдет с ума, когда узнает, что ты здесь.

– Да, мне очень жаль, что я тогда с ней не попрощалась, – признала Жаклин.

– Что ж, не могу сказать, что она простила тебя, Джеки. Вы были лучшими друзьями. Она тяжело перенесла все это.

– Тяжело? Это слабо сказано, мама. Сколько ночей я выслушивала ее тирады?

– Мне правда очень жаль, но у меня не было выбора. Однажды утром я думала, что собираюсь в школу, а оказалась в автобусе на Даллас.

Миссис Гарланд грустно покачала головой.

– Чудовищный позор, скажу я тебе.

– Все в порядке. Это к лучшему. Кто знает, что бы случилось, останься я здесь. Я справилась.

– Да, ты справилась. И не думай, что твою мать радует, что ты сама достигла успеха. Я удивлена, что ее не хватил удар, когда твоя книга стала бестселлером, не говоря уже о фильме.

Жаклин пожала плечами. К своему собственному удивлению она преуспела в работе. За это она благодарна Ингрид. Совсем другое дело – личная жизнь. Она всегда была и осталась одинокой. В этом смысле ничего не изменилось. Да, у нее были друзья, много друзей. Успешная карьера писателя и две экранизации – этому способствовали. Предложения о дружбе и сексе сыпались со всех сторон. Но каждый раз, после секса с очередной женщиной, она становилась еще более одинокой.

Жаклин отхлебнула свой остывший кофе. Сморщившись, она отодвинула чашку, отчего Роуз и миссис Гарланд рассмеялись.

– Давай я тебе сварю свежий, – предложила Роуз.

– Как насчет завтрака? Я сделаю тебе порцию блинчиков, которые ты любила, – добавила миссис Гарланд.

– Спасибо, но я уже позавтракала с Мэри.

– Мэри? Мэри Лоуренс?

– Да. Я остановилась у них.

– Что ж, они очень добры, – сказала миссис Гарланд. – Я всегда считала их хорошими людьми.

– Мне пора ехать, а не отвлекать вас от работы.

– Ты придешь к нам на ужин, Джеки? Ральф будет рад повидаться. К нам придут девочки, как в старые времена.

Жаклин подумала над предложением, вспоминая частые ужины в семье Гарланд. Все восемь человек. Да, это было бы здорово.

– Хорошо. Я согласна.

– Прекрасно! Хочу скорее показать тебе своих детей, – обрадовалась Роуз. – И муженька. Он хороший парень. Может, ты его помнишь. Грег Кубиак?

– Боже, Роуз. Маленький занудный парень, которого мы звали «четыреглазым»? – поддразнила Жаклин.

– Да, но сейчас он носит линзы, и мы хорошенько откормили его, правда, мама?

– Да, правда. Он работает на лесопилке, Джеки. Закончил университет по компьютерной специальности и работает там в офисе.

Жаклин кивнула. Да, на лесопильном заводе работает половина города, если не больше. Лесопилка. Скоро она станет ее. Черт.

– Что ж, буду рада снова его увидеть.

– А теперь поезжай. Зайди к Кей. Роуз сказала тебе, где она работает?

– В центре. Холлмарк.

– Прекрасно. И приезжай пораньше. Жалко, что мы никого не послали загород за напитками.

– Напитками?

– Пиво или вроде того, – прошептала миссис Гарланд.

– Загород?

– Ну, ты же знаешь, что запрещено продавать алкоголь в городе. Баптисты имеют большое влияние, смеясь, проговорила она. – Не говори мне, что ты забыла о сухом законе?

Жаклин кивнула.

– Да. Забыла, что сухой закон все еще существует в этих местах.

Ощущая некоторую нервозность, Жаклин припарковала лексус перед Холлмарком. Она много думала о Кей все эти годы, особенно в начале. Она серьезно решила связаться с ней после окончания университета, просто чтобы поделиться новостями. Но, убедив себя, что Кей не захочет иметь с ней дело, она отказалась от этой идеи. И вот теперь она здесь, пятнадцать лет спустя, взрослая женщина, собирается встретиться с первой девушкой, которая вдохнула в нее чувства. Чувства, с которыми она тогда не знала, что делать. Она запомнила Кей семнадцатилетней. Сейчас Жаклин спрашивала себя, насколько сильно изменилась Кей. Выросла, и стала как Роуз? Жаклин постеснялась спросить, за кем она замужем, и есть ли у нее дети. Очень возможно, ведь она выросла в большой семье. Без сомнений, она захочет создать такую же, как у Роуз.

– Давай же, – прошептала она, постукивая по рулю. – Нельзя прятаться здесь весь день.

Наконец, открыв дверцу и выйдя на солнце, она заглянула через стекло в магазин, пытаясь найти Кей. Несколько покупателей ходили внутри, но никого знакомого. Заправив волосы за уши, она нервно потянула за воротник рубашки прежде, чем открыть дверь и зайти внутрь. Электронный звонок огласил о ее прибытии, она прошла, притворяясь, что увлечена дисплеем у двери. Наконец, она подняла глаза и осмотрела магазин в поисках Кей.

– Боже мой, – тихо пробормотала она. Кей стояла у кассы в конце магазина, весело разговаривая с покупателем. Ее светло-русые волосы стали намного короче, чем в школе. Они были хорошо уложены, едва касаясь воротника блузки. Жаклин помнила их длинными и прямыми. Знакомая легкая улыбка осталась, но появились морщинки на гладкой коже вокруг глаз. Она была как всегда прекрасна. Ее вид заставил сердце Жаклин биться немного быстрее.

Подождав, когда уйдет покупатель, она приблизилась, нервно засунув руки в карманы джинсов. Она наблюдала, как Кей собирает ручки в кувшин у кассы, ожидая, когда та посмотрит на нее. Наконец, голубые глаза Кей медленно прошли по Жаклин, остановившись на ее лице. Слегка нахмутив брови, ее глаза расширились, когда она узнала подругу. Жаклин улыбнулась.

– Боже мой! Это ты?

Жаклин пожала плечами.

– Ты ... кто?

– Джеки, – прошептала она.

Кей медленно обогнула прилавок, подойдя ближе. Ее шаги ускорились, и прежде чем Жаклин поняла, что происходит, Кей заключила ее в объятия, крепко прижав к себе.

– Боже. Это действительно ты.

Жаклин тоже обняла ее, удивляясь знакомым ощущениям.

– Собственной персоной.

Наконец, Кей отодвинулась, держа ее за руки. Они посмотрели друг другу в глаза и улыбнулись.

– У меня зла на тебя не хватает, – проговорила Кей.

– Да? Что я сделала на этот раз?

Твердый кулак ударил ее руку, и Жаклин отпрянула, потирая ушибленное место.

– За что?

– Ты прекрасно знаешь, за что. Ни единого слова! Ни письма. Ничего. Я даже не знала, жива ты или нет.

Жаклин опустила глаза. Она ожидала этого. Она ждала обвинений от Роуз и от миссис Гарланд тоже.

– У меня не было возможности попроситься, Кей. А потом было уже поздно. Кроме того, я не была уверена, что ты захочешь меня знать.

– Ты всегда была такой упрямой. Я должна была догадаться.

– Упрямой? Меня вышвырнули из города, – напомнила ей Жаклин.

– Глупости. Они же не приставили пистолет к твоей голове. Ты могла бы остаться с нами. Ты знаешь, мама была бы рада тебе.

– Я не знала. Я была напугана. Я не думала, что ты захочешь общаться со мной, а тем более видеть меня.

– Почему? Ты была моим лучшим другом.

Жаклин пожала плечами.

– Господи. Какая же ты упрямая!

Уставившись друг на друга, наконец, они рассмеялись.

– Прости меня. Я не видела тебя пятнадцать лет и срываюсь на тебя.

– Все в порядке. Я это заслужила.

– Нет, не заслужила. Ты же не сама убежала. Извини меня, Джеки, – Кей снова обвила руками Жаклин, прижав ее к себе. – Просто это так неожиданно, увидеть тебя. Ты не могла сначала позвонить, а?

– Я не была уверена, что мы увидимся. Но Роуз и твоя мама настояли.

Глаза Кей округлились.

– Ты их видела?

– Зашла в кафе. На самом деле, твоя мама пригласила меня на ужин.

Кей рассмеялась.

– Конечно. Она всегда тебя любила. Она рассказала тебе, что поругалась с твоей матерью?

Жаклин вздернула брови.

– Ты шутишь. Когда?

– Когда мы узнали, что она отослала тебя из города. Мама поехала прямо в дом к твоим родителям, позвонила в дверь и высказала все прямо на ступеньках.

– Все это время я думала, что все меня ненавидят, рады, что я убралась из их жизни. Я не знала, что кто-то волнуется, – призналась Жаклин.

– О, Джеки, ты серьезно? Мы любили тебя, несмотря ни на что. Ты не должна была оставаться одна, – Кей замолчала. – Почему ты не рассказала мне?

– Я думала, ты возненавидишь меня.

– Возненавижу? Я любила тебя.

Жаклин пожала плечами.

– Я была ребенком. Я сама не знала, что со мной происходит, Кей. И я не думала, что ты поймешь. Я боялась рассказать тебе.

Кей вздохнула.

– Может быть, ты права. Я сошла с ума, когда узнала. Я злилась на тебя за то, что ты мне не сказала, но я была в растерянности. И...

– И все эти ночи, когда мы спали вместе, – предположила Жаклин.

Кей покраснела.

– Прости. Я не имела это в виду.

– Не надо. Я не виню тебя, что ты так подумала.

Зазвонил телефон, и Кей схватила Жаклин за руку.

– Не смей уходить, – поспешив к прилавку, она легким движением схватила телефон. – Холлмарк Кей, – улыбнулась она. – Да, она здесь.

Усмехнувшись, Жаклин отвернулась, чтобы не смущать Кей. И себя. Она совсем не так представляла себе их встречу. Она ожидала услышать обвинения в свой адрес, да, но была удивлена, что они начали спорить, как будто не было этих пятнадцати лет порознь. Ох, как они ссорились в старые времена! Но, не смотря ни на что, они были лучшими подругами. До тех пор, пока не повзрослели, и у Жаклин не появились эти чувства. Боже, все, что она могла тогда сделать, это просто быть рядом с Кей. А когда они стали встречаться с мальчиками, и Кей начала гулять одна с Билли Рей, Жаклин еле сдерживалась, чтобы не следовать за ними, проверяя, все ли в порядке с Кей. Ее глаза округлились от неожиданной догадки, может, Кей вышла замуж как раз за него. Боже, она надеялась, что нет. Билли Рей был неудачником.

– Что ж, меня официально пригласили на ужин. Мама очень рада, что ты вернулась. Она запланировала пикник. Надеюсь, ты к этому готова.

– Это здорово. Хорошо будет повидаться со всеми. У Роуз четверо детей, да?

– О, да. И я их балую.

– Да? А как насчет тебя? Есть маленькие «Кейтята»?

Кей покачала головой.

– Нет, детей нет.

– Я думала, у тебя полный дом. Почему нет?

Кей пожала плечами.

– Просто не случилось.

Жаклин кивнула. Болезненная тема. Что ж, может позже она расспросит поподробнее.

– Тебе, наверно, нужно работать. А я должна увидеть Мэри. Она, вероятно, волнуется, все ли со мной в порядке.

– Мэри? Ты приехала не одна?

Жаклин рассмеялась.

– Нет, Мэри Лоуренс. Я остановилась у них.

– А. Понятно. Полагаю, вопрос о доме предков не рассматривался?

– Я пока еще не видела свою мать. Она не знает, что я здесь.

Кей склонила голову.

– Прости меня. Я практически забыла, почему ты здесь.

– Все в порядке. Знаешь, я ничего не чувствую. Он был моим отцом, но я давно потеряла семью. Вся скорбь осталась в прошлом.

Кей грустно кивнула.

– Я понимаю.

Глава шестая

– Я знала, что если кто-то примет тебя с распростертыми объятиями, то это будут Гарланды, – сказала Мэри. – Я рада, что ты поедешь к ним. Такие хорошие люди.

– Да, хорошие. Моя вторая семья.

– Ты уже думала о том, чтобы повидаться с матерью? – с сомнением спросила Мэри.

– Вообще-то, да. Я хотела поехать сегодня, но время пролетело так быстро. Может, мне стоит подождать до окончания похорон завтра.

– Я уверена, известие о том, что ты в городе, уже распространилось. На самом деле, я удивлена, что мне еще не позвонили.

– От нее?

– Да. Несмотря ни на что, твоя мать все еще очень влиятельная женщина в городе. После ухода твоего отца, все думают, что теперь она встанет во главе завода. Твой отец был очень честным человеком, но твоя мать... что ж, ее считают...

– Стервой?

– Я не хотела произносить это слово, но...

– Я прожила с ней почти восемнадцать лет, Мэри. Я все о ней знаю.

– Ну, я думаю, что люди захотят остаться на ее стороне. Так что ее оповестят о твоём возвращении, предупредят, и я не удивлюсь, если у нее уже было несколько посетителей.

– Так значит, вы предлагаете съездить к ней сегодня?

– Мы всегда были друзьями с твоими родителями в нашем кругу. И этим все сказано. Если тебе нужен мой совет, я бы сказала, что тебе не надо вообще к ней ездить. Она очень злопамятная женщина. Могу только предположить, какими словами она тебя встретит.

Жаклин рассмеялась.

– Мне тридцать три. Я могу себя контролировать. Она только называется моей матерью. Я ничего к ней не чувствую кроме застаревшей обиды. Она не может ничем меня ранить больше, чем пятнадцать лет назад.

– Не стоит ее недооценивать.

– Мэри, я не боюсь ее. Мне от нее ничего не нужно.

– Ладно. Но если ты рассчитываешь провести приятный вечер у Гарландов, я бы не рекомендовала встречаться с матерью сегодня.

Жаклин улыбнулась ей.

– Согласна. Значит, я заеду завтра после похорон. Так лучше?

– Думаю, это хорошая идея. Можешь себе представить, как она себя чувствует? Упускает такую возможность, находиться в центре внимания? Я уверена, это убивает ее – находиться в это время в больнице. Никто не видит, как она страдает.

– Физически? Или эмоционально?

– Физически. Она могла бы устроить шоу на похоронах, я уверена.

– Что вы хотите сказать?

– Ох, я не должна сплетничать, Жаклин. Это не всем известно, но брак твоих родителей давно закончился. Когда они переехали сюда, они жили в разных частях дома. Их брак перестал быть реальным.

– Не всем известно? Да ладно, в этом городе?

– Ну, слухи, конечно. Домработницы сплетничают. Но это всего лишь сплетни.

Жаклин покачала головой. Столько энергии потрачено на чепуху. Она была рада, что уехала тогда.

– Хватит. Иди, собирайся. Уверена, что ты с нетерпением ждешь вечера. Вы с Кей всегда были очень близкими друзьями. Бьюсь об заклад, вам есть о чем поговорить.

– Да, есть, – помолчав, Жаклин задала вопрос, который мучил ее целый день. – А что на счет ее мужа? Когда мы разговаривали, я не решилась спросить.

– Ох, Кей давно развелась. Она вышла за этого Билли Рейя примерно через год после выпуска. Но их брак не был удачным.

– Что вы имеете ввиду?

Мэри опустила голову.

– Я не люблю сплетничать, Жаклин. Но все видели, что происходит.

– Он бил ее? – догадалась Жаклин.

Мэри кивнула.

– Это ужасно. В конце концов, он упек ее в больницу.

– Господи Боже, – прошептала Жаклин.

– Отсидел в тюрьме, а потом уехал. Последнее, что мы слышали о нем, что он попал в какие-то неприятности в Хьюстоне.

Жаклин почувствовала, как больно забилося ее сердце. Подонок. Кей была самым добрым и нежным человеком, которого она знала. Кто мог поднять на нее руку?

– Пожалуйста, она оставила это в прошлом. Не говори ей, что я тебе рассказала.

– Конечно.

Но позже, подъезжая к дому Гарландов, Жаклин волновалась, как будет вести себя, когда увидит Кей. Она сильно стиснула руль, вспоминая ту ночь, когда Кей целовалась с Билли Рейем под трибунами. Она должна была догадаться. Тогда он сильно прижимал ее к перилам. Но Жаклин была слишком поглощена ревностью, что бы обратить на это внимание. Все, что она видела, это их поцелуи и касания. Но касался только Билли Рей. Руки Кей лежали на его плечах, как будто она отталкивала его.

– Черт! Мне нужно было что-то сделать, что-то сказать.

Но нет, они были детьми, только открывающими свою сексуальность. И в порыве ревности она не могла просто подойти и оттолкнуть его. Она покачала головой. А через два дня она оказалась в Калифорнии, совсем не думая о Пайн Спрингс, о Кей и обо всем остальном. А теперь она здесь, и спрашивает себя, почему ничего не сделала пятнадцать лет назад, когда ее подруга целовалась со своим парнем.

– Оставь это. Это не твое дело, – пробормотала она.

Она собиралась приятно провести время за ужином в компании старых друзей, поболтать о прошлом и поехать домой. Через несколько дней она вернется к своей жизни, а Пайн Спрингс заживет своей, как и раньше. И она ничего не может изменить.

Она без труда нашла дом Гарландов, который выглядел точно так же, как она помнила, включая несколько машин на подъезде. Ральф Гарланд был механиком, и около дома всегда стояли три-четыре машины, которые он чинил. Имея шестерых детей, он, скорее всего, делал это, чтобы дать каждому порулить. Может, это было просто предлогом, а может, теперь он действительно занимался своими внуками.

Перед домом буйно цвела азалия, и Жаклин остановилась полюбоваться. Она всегда недоумевала, как миссис Гарланд успевала работать целый день в кафе и находить время для занятий садом. Жаклин хорошо помнила, что независимо от времени года, у них в саду всегда что-то цвело.

Стоя в тени на углу дома, Кей наблюдала, как Джеки любит садом. Она все еще не могла поверить, что Джеки здесь. Кей давно потеряла надежду снова увидеть ее. Но вот она здесь, такая же близкая, какой была всегда. Пятнадцать лет не сильно ее изменили. Джеки была выше ее, но не на много. Ее светлые волосы сейчас казались темней, а глаза еще более голубыми. И она выглядела совсем как сорванец, которого помнила Кей, а не как известный

писатель, кем она являлась на самом деле. Она наблюдала, как Джеки откинула челку со лба и нерешительно улыбнулась прежде, чем войти во двор.

Прислушиваясь к знакомым голосам, Жаклин шла привычной дорожкой во двор. Барбекю уже дымилось, дети бегали вокруг, маневрируя между зажженными свечами. Стулья стояли на траве, и она остановилась, глядя на все это. Она сильно соскучилась по всему этому. По близким друзьям, по семье. Раздался смех, и она узнала Сэмми. Младшего брата Кей, который сейчас вымахал больше шести футов. Когда она уехала, он еще был маленьким сорванцом.

– Страшно?

От неожиданности Жаклин подскочила. Кей стояла сзади с накрытым блюдом.

– Просто смотрю, – Жаклин наклонила голову. – Что у тебя там?

– Картофельный салат.

– А-а.

– Боюсь, мама намеревается накормить тебя домашней едой. Она считает, что ты не ела достойного барбекю с тех пор, как уехала.

Жаклин последовала за Кей.

– Она права.

– Джеки, вот ты где. Идем, идем. Сэмми не терпит тебя увидеть.

– Он всегда был от тебя без ума, – прошептала Кей.

Жаклин покраснела, стоя лицом к лицу с парнем, которого она помнила ребенком.

– Боже мой, Сэмми, ты так вырос.

Теперь была его очередь краснеть.

– Привет, Джеки.

Подойдя ближе, она крепко обняла его.

– Рада снова тебя видеть.

– Да, ты выглядишь прекрасно, – и он снова покраснел. – Вот, познакомься с моей женой, – он притянул молодую женщину к себе. – Это Тесс.

Жаклин вежливо пожала ей руку.

– Приятно познакомиться.

– Спасибо, – последовал тихий ответ.

– Не обращай на нее внимания, Джеки, – сказала Роуз, обнимая Жаклин за плечи. – Она слышала все ужасы о тебе и вероятно до смерти напугана.

– Роуз!

– Ох, мама, я просто шучу, – Роуз повернулась к Жаклин. – Тесс не слишком разговорчива, – прошептала она.

– Ну, в таком многолюдном обществе, это неудивительно.

Роуз рассмеялась.

– Посмотри на Сэмми. Можешь поверить, что он так вымахал?

– Нет, я еле его узнала. А как Эрик и остальные?

– Эрик работает в открытом море. Он месяц тут, месяц в отъезде. А Бобби, ты помнишь Бобби? Он в Остине, тренирует школьную футбольную команду.

– Конечно, я помню Бобби. Он был занозой в заднице, даже в десять лет.

– До сих пор ею и остался. Беки единственная из нас девочек, кто уехал из города. Она вышла замуж за парня из университета, и они живут в Оклахоме, – Роуз потащила Жаклин за руку. – Пойдем сюда, – Роуз подвела Жаклин к отцу и, видимо, Грэгу, ее мужу.

– Ты помнишь папу.

– Мистер Гарланд, как поживаете?

– Прекрасно, Джеки. Очень рад снова тебя увидеть.

– А это Грэг, мой муж.

Жаклин пожала его руку. Он вовсе не выглядел, как мальчик, которого она помнила. Он вырос в красивого мужчину, усы которого приподнимались в улыбке.

– Приятно снова тебя встретить, Грэг.

– Мне тоже, Джеки.

– Четырех бегающих монстров – моих детей, я позже тебе представлю, – сказала Роуз. – Выпей чего-нибудь.

Она указала на кувшины с холодным чаем на столе.

– Я проверю, не нужна ли маме помощь.

Набрав льда и наполнив свой пластиковый стаканчик, Жаклин глазами поискала Кей.

– Будешь?

– Пожалуйста.

Протянув стакан Кей, Жаклин отпила глоток сладкого чая, закрыв глаза от знакомого вкуса, всколыхнувшего множество воспоминаний.

– Вкусно?

Жаклин улыбнулась.

– Очень.

Она взглянула на Роуз.

– Вижу, что Роуз несколько не изменилась. Она, как и раньше, очень деловая.

– Это точно. Она должна была родиться старшей в семье, а не я. Роуз всегда берет на себя все обязанности по дому.

– Я помню, как она пыталась нас контролировать тогда. Нашим спасением было то, что она не могла залезть на наше дерево.

Кей засмеялась, показывая на то самое дерево.

– Оно все еще здесь.

Жаклин встретила с ней взглядом.

– У меня много теплых воспоминаний о нем, – тихо произнесла она.

– У меня тоже. Помнишь тот раз, когда ты взяла упаковку пива из холодильника твоих родителей? – спросила Кей. – Мы затащили его с собой на дерево, и целый день пытались его выпить.

Жаклин кивнула.

– Я думала, твой папа убьет нас.

– Что ж, по крайней мере, мы оставили ему банку.

Они обе замолчали, припоминая другие неприятности, в которые их втягивала Жаклин. В основном их ругали родители Кей, они старались поменьше времени проводить в доме Жаклин.

– Так чем ты занималась последние пятнадцать лет, Кей?

Кей неуютно заерзала, избегая глаз Джеки. В юности они могли говорить обо всем, делиться мыслями и чувствами. Но прошло пятнадцать лет. Она не могла просто выпалить о своих жизненных неудачах, надеясь возродить былую дружбу. Поэтому она соврала.

– Ничего интересного. У меня уже шесть лет свой магазинчик. Я занимаюсь в основном работой.

Жаклин кивнула.

– И?

– И что?

– Это все? Все, что ты мне расскажешь? А что было после школы? Ты поступила в университет?

Кей покачала головой.

– Нет. Я... я немного поработала в кафе. А потом... ну, я вышла замуж.

– Да? И кто же тот счастливчик?

Кей отвела взгляд.

– Я не хочу говорить сейчас об этом, Джеки. Хорошо?

– Конечно. Извини. Просто хочу наверстать упущенное.

– Что на счет тебя? – спросила Кей, меняя тему. – Кстати, я читала твои книги. У тебя большой талант. Я не помню, чтобы ты писала в школе.

Жаклин слегка покраснела. На самом деле, она всегда писала, просто никогда никому не показывала своих рукописей, опасаясь насмешек.

– В тайне, время от времени, я писала, – призналась Жаклин. – Поступив в университет, я не имела понятия, кем хочу стать, поэтому я взяла несколько литературных уроков, и это пришлось кстати. Мне повезло.

– А твоя личная жизнь? – Кей сама удивилась этому вопросу. Она часто об этом думала в начале, когда все узнала.

Жаклин улыбнулась.

– Хочешь поговорить о моей любовной жизни? Что? Я единственная знакомая лесби?

– Вообще-то... да.

– Никаких странных незамужних женщин в городе? – поддразнила Жаклин.

– Ну, знаешь, мисс Каттер никогда не была замужем. Это считается?

– Она все еще здесь? Черт, ей должно быть уже все восемьдесят.

– Ей было всего лишь сорок, когда мы учились в школе. Вообще-то она все еще преподает.

– И живет одна все эти годы?

– Ну, она достаточно часто уезжает из города на выходные.

– Вот. Наверняка у нее какой-нибудь тайный роман. С какой-нибудь незамужней женщиной в другом городе.

Они рассмеялись, а подошедшая Роуз взяла их за руки.

– Что такого смешного?

– Ничего, – ответила Кей. – Просто болтаем.

– Ага. Вы не можете прятаться здесь весь вечер. Боже, я всегда терпеть не могла, когда вы были вместе. Вы выгоняли меня из комнаты, а я подслушивала, как вы болтали и смеялись часами.

– Это были разговоры взрослых девочек, а ты была маленькой бездельницей, – объяснила Жаклин.

– Это не так. Я всего на четыре года младше вас.

– Значит, тебе двадцать девять. Боже, Роуз, тебе двадцать девять и у тебя уже четверо детей? Ты же знаешь, от чего появляются дети, верно?

– Очень смешно. Я уверена, что ты не знаешь, – поддразнила Роуз. – Все равно мама уже оставила надежду, что Кей родит ей внуков, так что остальные из нас должны завести по одному дополнительному ребенку.

Кей игриво стукнула ее по руке.

– Спасибо, сестричка.

– Эй, я не виновата, что у тебя нет моего материнского инстинкта.

– Девочки? Идите сюда. Мы не для того затащили Джеки, чтобы только вы болтали с ней.

– Пойдемте. Мама настроена решительно.

– Я хочу послушать про жизнь Джеки в Калифорнии. Это должно быть очень интересно. Повернувшись, Жаклин подмигнула Кей.

– Мне опустить часть про личную жизнь?

Кей улыбнулась, наблюдая, как Джеки снова вливалась в их семью. Первый раз за несколько лет, Кей почувствовала себя по-настоящему счастливой.

Глава седьмая

– Так здорово повидать Джеки снова, не так ли? – спросила Роуз, когда они помогали маме убирать.

– Да, ты права. Совсем как в старые времена, – ответила Кей. Она посчитала это удивительным, что после пятнадцатилетней разлуки они могли болтать и дразнить друг друга, как будто не прошло и дня.

– Ты... ты ей рассказала?

Кей покачала головой.

– Мы почти не были наедине. Кроме того, я не уверена, хочу ли я все вспоминать?

Проходя мимо, Роуз взяла ее руку и легонько пожала.

– Ты же мне сама говорила, что Джеки единственный человек, с которым ты можешь поделиться. И я точно знаю, что ты никому ничего не рассказывала.

– Сколько прошло? Шесть лет? Думаю, я уже все пережила, – настаивала Кей.

– Чушь. Ты держишь все в себе. Как будто можно закупорить бутылку испорченного вина, надеясь, что когда-нибудь оно превратится в хорошее шардоне.

– Ты сравниваешь мою жизнь с плохим вином?

– Ты знаешь, о чем я, Кей. Ты должна выплеснуть это и начать жизнь заново. Ты думала начать с кем-нибудь встречаться? Ты не можешь оставаться одна только потому, что один подонкок поступил так с тобой.

– В Пайн Спрингс не так уж много свободных мужчин, Роуз, даже если бы я захотела встречаться. А я не хочу, – добавила она.

– Вот и причина. Ты просто не хочешь. С этим что-то не так, Кей. Тебе нужно кого-то найти. Тебе уже тридцать три. Тебе пора самой завести детей, чтобы я могла исправить своих.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты прекрасно знаешь, о чем я! Ты избаловала их. Я не могу с ними справиться. Заведи себе парочку, и я смогу вернуть должок.

Рассмеявшись, Кей поцеловала сестру в щеку.

– Спасибо, сестричка. Но меня и так все устраивает. Зато мне не придется платить за учебу в университете.

– Что ж, я могу послать Ли Энн жить с тобой.

– Не забудьте задуть свечи, девочки.

– Я не забуду, мама, – подойдя к столу, Кей задула оставшиеся две большие свечи.

– Ты не знаешь, на сколько она останется?

– Джеки? Она не сказала. Думаю до выходных. Правда, она собирается навестить мать, так что, возможно, она решит сбежать раньше, за что ее сложно винить.

– Без шуток. Интересно, скольких служащих ее мать довела до слез?

Кей помолчала.

– Думаешь, ее кто-нибудь навещает? У нее есть друзья?

– Конечно, у нее есть друзья. Из Женской Лиги, загородного клуба, все эти женщины, которые водят большие модные машины. Если их можно назвать друзьями.

– А. Конечно. О чем я думала?

– Не говори, что тебе ее жаль.

– Нет. Нет. Не жаль. Знаешь, мне кажется несправедливым, что он умер один? Он был достойным человеком.

– Практически святым, раз уж мог жить с ней.

– Девочки? О чем вы тут сплетничаете?

– Ни о чем, мама. Мы идем в дом.

Позже, когда Кей ехала домой, на нее нахлынули воспоминания из ее детства. Она рас- смеялась, припомнив одно из многочисленных приключений, в которое их втянула Джеки.

- У нас не будет неприятностей, Кей, никто не узнает.
- Сюда приходят только взрослые дети, – настаивала Кей.
- Мы тоже взрослые.
- Нам двенадцать.
- Да. И я могу выбить дух из здоровяка Джима Боба.

Кей представила, что будет, если Джим Боб Пирсон поймают их в этой части реки. Он был на три года старше их, и почему-то он обожал мучить Кей. Часто Джеки приходила ей на помощь, а в прошлый раз даже разбила кулаком Джиму нос.

Кей громко рассмеялась в машине. Она давно не вспоминала об этом. Тогда их поймали на реке. В большинстве мест вода была мелкой и грязной, но были и глубокие места со слабым течением, идеальные для купания в жаркий день. Все эти места были оккупированы старшекласниками. Как банды, контролирующие свои территории, у каждой группы было свое место, никто не хотел делиться. Особенно с надоедливыми двенадцатилетними детьми! Оставив велосипеды в кустах, Джеки провела Кей через лес. Лучшее место было занято старшим братом Джима Боба, и Джеки решительно собиралась изменить этот порядок.

Было раннее субботнее утро, и на берегу никого не было. Раздевшись, они обе прыгнули в воду, наслаждаясь прохладой в такое жаркое летнее утро. Но долго это не продлилось. Первой, услышав ребят, Джеки практически вытащила Кей из воды. Они пытались натянуть одежду, когда подоспел Джим Боб с двумя своими друзьями.

- Посмотрите-ка, кто тут. Два карапуза. Поймать их, ребята!
- Схватив ботинки, Кей побежала, но Джеки не двинулась с места. Широко раскрыв глаза, Кей остановилась у леса.

- Джеки? Давай же!
- Нет! Я их не боюсь.

И тут Кей осознала, насколько Джеки выросла за это лето. Она стояла, выпрямившись, все еще босая, но одетая. Когда трое парней окружили ее, Джеки расхохоталась. Они все были ниже ее.

- Это не честно, ребята. Может, мне нужно связать одну руку у себя за спиной, – поддразнивала их Джеки.

Кей снова засмеялась. Она живо представила Джеки, когда та бросала мальчиков в реку одного за другим полностью одетых. Конечно, это продолжалось, пока они не услышали приближение брата Джима Боба. На этот раз Джеки побежала. Они уже мчались на велосипедах по проселочной дороге, слыша крики Джима Боба.

Да, Джеки в свое время уговорила ее на многие проделки, но было весело. Она поняла, что последовала бы за Джеки куда угодно. Она так и поступала раньше. И только когда они повзрослели и учились уже в выпускном классе, отношения между ними стали меняться. Джеки встречалась с Денни Торнтоном, а Кей с Билли Рейем. Парни недолюбливали друг друга, так что ни о каких двойных свиданиях не могло быть и речи. Не говоря о том, что Джеки ненавидела Билла. Часто Джеки предлагала Кей бросить его, говоря, что он ей не пара. Как потом оказалось, она была права.

Глава восьмая

Стоя перед зеркалом, Жаклин поправила юбку на бедрах. Она ненавидела костюмы. Ее раздражала стесненность чулок, юбок, жакетов и чертовых туфель.

Глядя на себя, Жаклин не смогла сдержать улыбку. Она действительно хорошо выглядела. Ингрид едва бы ее узнала. Она поджала пальцы на ногах, ругая узкие ботинки. Сначала она хотела просто надеть брюки и тем самым дать почву для сплетен, но потом отбросила эту мысль, ведь ее матери на похоронах все равно не будет. Так что она надела костюм, чулки и прочее, и даже немного накрашилась.

– Случись бы это на пару месяцев раньше, они бы увидели мужественную стрижку, – пробормотала она. В юности ее волосы были очень светлыми, но с возрастом потемнели. Она помнила, как первый раз отрезала их. Боже, какая была сцена. Она как раз начала заниматься спортом, и волосы ей очень мешали. Она попросила мать отвезти ее постричься, но та решительно отказалась, неся какую-то чушь о команде болельщиц. Поэтому Жаклин уговорила Кей отрезать их. После нанесенного ущерба миссис Гарланд попыталась исправить дело, утверждая, что миссис Кейс спустит с нее шкуру, если узнает. Как оказалось, пострадала шкура Жаклин.

Теперь она носила волосы чуть длиннее, но ненамного. Жаклин пригладила пряди за ушами, посмотрев в свои голубые глаза в зеркале. Что еще? Она здесь, через несколько часов она собирается на похороны, затем встретится со старыми друзьями. Что еще нужно сделать? Навестить мать? Жаклин закатила глаза. Совсем не хотелось этого делать.

Позади себя в зеркале она увидела отражение ноутбука, лежащего на кровати. Жаклин даже не открывала его. Без сомнений Ингрид писала ей, напоминая о сроках. Она попросила Ингрид звонить только в случае крайней необходимости, и до сих пор агент держала данное слово. Она проверит почту сегодня, может даже немного поработает. Жаклин еще не решила, как долго она еще здесь пробудет, хотя мистер Лоуренс просил ее задержаться хотя бы до конца следующей недели, до чтения завещания. Это было еще одно дело, которого она не особенно ждала. Ей не очень-то хотелось встречаться лицом к лицу с дядей Уолтером в такой момент.

Легкий стук в дверь вернул ее к действительности, она поднялась, чтобы открыть ее. Мэри все еще была в халате после душа, ее глаза расширились от удивления.

– Что?

– Боже мой. Ты прекрасно выглядишь, Жаклин.

Слегка покраснев, Жаклин небрежно пожала плечами.

– Спасибо.

– Джон хотел удостовериться, что ты знаешь, что можешь поехать с нами. И, конечно же, сидеть рядом с нами. Я уверена, твой дядя Уолтер и его семья займут первые ряды.

– Что ж, он единственный брат моего отца.

– Кстати, нам никто не звонил. Может они не знают, что ты в городе.

Жаклин подняла голову.

– Ну, они узнают. Я решила сначала отправиться в больницу, – она снова пожала плечами. – Покончить с этим.

– Ты уверена?

– Да. Я в порядке, – она улыбнулась. – Просто хочу дать ей знать, что я здесь.

– И что ты будешь на похоронах, а она нет?

– Да. Что-то вроде того, – вернувшись в комнату, Жаклин открыла портфель, бросив в него телефон и бумажник. – Сомневаюсь, что задержусь здесь надолго, – она захлопнула портфель и взяла ключи. Взглянув на себя в зеркало, она подумала, что выглядит подходяще скорее для заседания комитета, чем для похорон.

– Если тебе что-то понадобится, или возникнут проблемы, ты, конечно же, можешь нам позвонить.

– Никаких проблем не будет, Мэри. Я справлюсь. Встретимся в церкви.

Жаклин приближалась к больнице, но, несмотря на свои храбрые слова, мрачное предчувствие все нарастало. Подростком она много раз пыталась противостоять своей матери и довольно часто побеждала. Но даже тогда ее отец не мог вмешаться. Желания матери всегда неукоснительно исполнялись. Что ж, это время прошло. Теперь Жаклин никому не подчинялась. Она ничем не обязана матери. В действительности, она никому из них ничем не обязана.

– Зачем же ты приехала? – спросила она себя вслух. Но не нашла ответа. Много лет назад Жаклин решила, что у нее нет семьи, нет родителей. Она и не думала, что снова увидит их. По правде говоря, она вовсе не хотела их видеть. У нее все получилось. Они были ей не нужны. Но когда ей позвонили, Жаклин, почти не сомневаясь, отправилась в Пайн Спрингс. Может, она сказала Ингрид правду. Ей нужно было проститься. И, возможно, тогда она продолжит жить, и сможет начать серьезные отношения, вместо случайных встреч, которые доминировали в ее теперешней жизни.

Жаклин заметила, что в это субботнее утро в больнице было многолюдно. Она последовала внутрь за женщиной с ребенком, подождав, пока они пройдут к регистратуре. Остановившись, она оглядела вестибюль. И только тогда заметила табличку с именем отца.

Родильное отделение Кейс.

– Я могу вам помочь?

Жаклин обернулась, кивнув медсестре.

– Я ищу палату Мадлен Кейс, пожалуйста.

Быстро заглянув в компьютер, медсестра улыбнулась.

– Наверху. Палата двести девятнадцать.

– Спасибо.

Жаклин решительно подошла к лифту, через несколько секунд раздался звонок и открылись двери. Внутри она глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. Жаклин спрашивала себя, как выглядит ее мать сейчас, лежа на больничной постели. Она помнила ее всегда разодетой и накрашенной для похода в загородный клуб или церковь, никогда свободной и расслабленной. Без сомнений, матери невыносимо быть запертой здесь.

В коридоре она огляделась, поискав номер ближайшей палаты. Затем, повернув направо и пройдя три комнаты, она нашла палату матери. Дверь была приоткрыта, и, прислушавшись к телевизору, Жаклин постучала. Наклонив голову, она заглянула внутрь. Тихий голос пригласил ее войти.

– Начнем, – прошептала она.

Сделав шаг внутрь, Жаклин прислонилась к двери, встретившись взглядом с матерью. Реакция была такой, как она и ожидала. Судорожный поток воздуха, затем на пол упал пульт, который мать держала в руках.

– Здравствуй, мама, – медленно произнесла Жаклин. – Ты хорошо выглядишь.

– Ты, – прошипела мать. – Какого черта ты здесь делаешь?

Жаклин отделилась от стены, медленно подойдя к кровати. Женщина, которую она боялась больше всего в жизни, беспомощно лежала, закованная в корсет. Но выше шеи она выглядела той женщиной, которую Жаклин помнила. Темные, безупречно уложенные волосы, идеальный макияж – никогда не подумаешь, что она здесь уже четыре дня.

– Ну, я, конечно, приехала на похороны своего отца. Твоего мужа, – наклонившись, Жаклин подобрала пульт, бросив его на кровать вне досягаемости матери. – Жаль, что ты не сможешь прийти. Я уверена, это разбивает твое сердце.

– Тебе здесь не место. Ты давно перестала быть нашей дочерью.

– О, да, – Жаклин непринужденно скрестила руки. – Ты имеешь ввиду тот день, когда ты вышвырнула меня из города?

– Это твое решение. У тебя был выбор.

– Выбор? Ах, да! Дениел Торнтон. Из нас бы получилась отличная гей пара. И ты надеялась на внуков?

– Убирайся из моей комнаты!

– Это все, что ты можешь сказать через столько лет? Я разочарована, мама. Ты всегда была остра на язык.

– Я уверена, что Джон Лоуренс стоит за всем этим. И первое, что я сделаю, это уберу его как советника из нашей семьи. У него не было права звонить тебе.

– Да? Он хороший человек. Вообще-то я остановилась у них с Мэри. Они очень любезные хозяева.

– Я должна была догадаться. Чего ты хочешь? Ты вернулась, чтобы урвать состояние твоего отца? Что ж, к сожалению, вы ошиблись, юная леди. Отец презирал тебя и твою извращенную жизнь. Ты не получишь ни пенни. Ты сделала из него посмешище.

Жаклин улыбнулась.

– Вообще-то я думаю, это ты сделала из него посмешище, мама. Но нет, я приехала не за деньгами. У меня их достаточно. И этим я обязана тебе. Моя первая новелла, может, ты о ней слышала, называется *«Нет места для семьи»*, – мать изумленно смотрела на Жаклин. – Да, я должна благодарить тебя. Мать из рассказа прямо твоя точная копия. Мне кажется, они хорошо тебя изобразили в кино. Такая трагичная смерть.

– Убирайся из моей комнаты! Сейчас же, пока я не позвала охрану!

– Охрану? В Пайн Спрингс есть охрана?

– Ты обесчестила нашу семью, и тебе хватает наглости явиться на его похороны? Как будто ты часть этой семьи? Да как ты смеешь? Ты можешь себе представить, какие пойдут разговоры?

Жаклин рассмеялась.

– Да, уж! Как это на тебя похоже, мама. Всегда озабочена тем, что подумают о тебе, о нашей семье. На самом деле, большинству людей наплевать на нашу маленькую семью.

– Твой отец владел этим городом. Он был мэром. На него работала половина штата. Конечно, он должен был подавать пример людям.

– Пример? Так значит как пример, ты выгнала свою единственную дочь из города, потому что Брат Гарнер не мог излечить ее?

– Ты дитя дьявола, и я отказываюсь с тобой говорить, – подняв руку, она несколько раз нажала на кнопку. – И я прикажу им больше не впускать тебя в больницу.

– Не утруждайся. Я больше не вернусь. Я просто заехала сказать, что я в городе. Уверена, дядя Уолтер все тебе расскажет после похорон.

Вбежала медсестра, и, минуя Жаклин, направилась к кровати.

– Миссис Кейс, что я могу для вас сделать?

– Выведите эту... этого человека из моей палаты.

– Мне не нужны провожатые, мама. Я сама найду дорогу. Мне не в первой.

С этими словами Жаклин обернулась и решительно вышла из комнаты, удивляясь, зачем она вообще приходила. Чего она хотела добиться? Ожидала ли она, что мать переменит свое отношение к ней после стольких лет?

Когда Жаклин вернулась к машине, ее трясло так, что она схватилась за руль, пытаясь успокоиться. Для чего все это? Бессмысленно. Ее мать осталась такой же бессердечной женщиной, какой всегда была. Часть Жаклин надеялась, что мать изменилась и будет рада увидеть ее через столько лет. Но нет. Мать не собиралась принимать ее.

– Хорошо. Просто прекрасно, – пробормотала она, повернув ключ в замке зажигания, шины взвизгнули на асфальте, когда она нажала на газ. Взглянув в зеркало заднего вида, она ухмыльнулась.

– Ты ведешь себя как ребенок, Джеки.

Глава девятая

Жаклин свернула на улицу, ведущую к Первой Баптистской Церкви Пайн Спрингс. Расположившись на вершине холма, церковь наблюдала за городом и ежедневной рутиной жителей. У Брата Гарнера всегда был лучший вид на город. Сидит себе наверху и судит людей. О да, она хорошо помнит эти субботние проповеди. Она его очень боялась. Казалось, он знает все и обо всех. А когда мать притащила ее к нему, исповедуясь, что ее дочь грешница, Жаклин готова была отказаться от своих слов, лишь бы не сидеть с ним лицом к лицу и не слушать его бредни.

Но она не сделала этого. Не смогла. На самом деле, она послала его к черту. Она почти уверена, что именно Брат Гарнер предложил посадить ее в автобус до Далласа.

Жаклин припарковалась в стороне от остальных машин, выигрывая для себя некоторое время для подготовки. Нужно было договориться заранее с Мэри и Джоном где-нибудь встретиться. Жаклин совсем не хотелось входить в церковь одной, под пристальные взгляды окружающих. Но ее волнение немного утихло, когда она заметила на тротуаре две знакомые фигуры. Она быстро выбралась из машины, торопясь догнать их.

– Привет, девчонки!

– О, черт!

Жаклин улыбнулась.

– Что?

– Без обид, Джеки, но увидеть тебя в платье и накрашенной, все равно, что увидеть папу в женском белье, – поддразнила Роуз.

Кей попыталась прикрыть рукой улыбку на лице, но ее плечи затряслись.

– Очень смешно. Я и забыла о твоём искаженном чувстве юмора, Роуз.

– На самом деле, ты выглядишь мило. Не так ли, Кей?

– Очаровательно, – Кей дотронулась до ее руки. – Где ты будешь сидеть?

– Полагаю, с Мэри и Джоном. Вы не хотели бы пойти со мной?

– Не могу позволить себе упустить такую возможность. Можешь себе представить разговоры в кафе утром в понедельник?

– Роуз!

– Все в порядке. Возможно, она права. Кроме того, я была бы рада знакомым лицам вокруг, – призналась Жаклин.

– Ты уверена, что это безопасно идти с тобой? – спросила Кей. – Молнии и все такое.

– Ох, вы обе шутницы сегодня. Но, я думаю, с вами все будет в порядке.

Втроем они поднялись по многочисленным каменным ступенькам к дверям Первой Баптистской Церкви, Жаклин не обращала внимание на любопытные взгляды, обращенные к ним.

– Кстати, твоя репутация может полететь ко всем чертям, – прошептала она Кей.

– По правде говоря, я не так уж часто хожу в церковь, Джеки.

– Нет? Почему?

Кей пожала плечами.

– Это длинная история.

– Что ж, кажется, ты мне должна уже несколько длинных историй. Интересно, когда мы найдем время?

– Кстати. Сколько ты еще пробудешь в городе? – спросила Роуз.

– До следующей недели, наверное, но я еще точно не решила. Конечно, Мэри может устать от гостей в своем доме к тому времени. Думаю, мне стоит проверить новый мотель, о котором она мне говорила.

– Ты всегда можешь остановиться у меня, – предложила Кей, не успев подумать.

– Тебе не терпится стать центром сплетен этого города, да? Только представь. Давно потерянная дочь Кейсов, лесби, возвращается домой на похороны и останавливается у маленькой Кей Гарланд, чтобы, вне сомнений, совратить ее, – сказала Жаклин, шутливо вздернув брови.

– О, пожалуйста. В юности, ты втягивала меня в кучу неприятностей, сомневаюсь, что и теперь кто-то обратит внимание.

– Жаклин. Вот ты где.

Жаклин подняла глаза, на приближающуюся Мэри Лоуренс. Взяв ее за руку, Жаклин показала на своих спутниц.

– Вы знаете Кей и Роуз, неправда ли?

– Конечно, знаю. Как поживаете, леди?

– Хорошо, – хором ответили они.

– Я попросила их сидеть с нами. Надеюсь, вы не возражаете, – сказала Жаклин.

– Конечно, нет. В единении сила, – заметила Мэри.

– Как раз об этом я и подумала.

– Твой дядя сидит на месте для семьи. Он также будет произносить панегирик.

Жаклин кивнула.

– Хорошо. Он знает, что я здесь?

– Да. Джон сказал ему. Он так удивился, что у него не нашлось слов. Ну, или Джон предпочел не повторять.

– Тогда, может, это не так уж страшно. Я имею ввиду похороны. И моей матери нет, чтобы устроить сцену.

Мэри взяла ее под руку и повела внутрь. Обернувшись через плечо, Жаклин жестом позвала Кей и Роуз.

– Как все прошло?

– Как я и ожидала. Она меня вышвырнула.

– Почему-то я не удивляюсь этому.

В церкви играла тихая музыка, пока люди заполняли проход. Жаклин остановилась. Гроб стоял в начале, открытый.

– Ты не обязана подходить, – сказала Мэри.

– Нет, я должна. Мне нужно, – несмотря ни на что, она хотела хотя бы попрощаться с ним. Ей нужно было проститься.

– Я пойду с тобой, – предложила Кей.

Жаклин посмотрела ей в глаза и благодарно улыбнулась.

– Мы сидим вон там, – указывая, прошептала Мэри.

Жаклин и Кей продвигались по проходу, Роуз отставала на несколько шагов. Жаклин различила тихий шепот, почувствовав на себе изумленные взгляды. К счастью Кей взяла ее за руку, слегка сжав ее ладонь.

Жаклин удивило, что она почувствовала, когда увидела отца. Это был совсем не тот мужчина, которого она помнила. Он сильно постарел за пятнадцать лет, волосы поседели. Она не двигалась, бессознательно, почти до боли сжимая руку Кей.

– Все хорошо, – прошептала Кей.

Затем она почувствовала, как подошла Роуз и взяла ее под локоть, Жаклин расслабилась.

– Он выглядит сильно постаревшим, – наконец, тихо произнесла она.

– Да.

Она хотела протянуть руку и прикоснуться к нему, но не посмела. Вместо этого, наклонив голову, она закрыла глаза. *Мне бы хотелось, чтобы у нас было время поговорить. Надеюсь, теперь я бы тебе понравилась. Я... я справилась.*

Кей смотрела на Жаклин, стараясь угадать ее мысли. Интересно, что думает все собрание. Она хорошо слышала их шепот. Несомненно, Джеки тоже его слышала. Но Кей было все равно,

что они думают. Она знала только, что должна успокоить и поддержать Джеки. Не то, чтобы Джеки нуждалась в поддержке. Она источала саму уверенность. Как всегда.

Почувствовав, как Кей сжала ей руку, Жаклин взглянула в ее голубые глаза и кивнула. Развернувшись, они пошли обратно по проходу. Оглядевшись, Жаклин различила смутно знакомые лица, заметив, что действительно все взгляды были прикованы к ней. И к Кей, которая до сих пор, крепко держала ее за руку. Она спросила себя, что все эти люди могут подумать. Но на самом деле, ее это мало заботило.

Она села рядом с Мэри, Кей и Роуз последовали за ней. Она была очень благодарна им за поддержку, сомневаясь, что смогла бы сделать это одна. Через некоторое время воцарилась тишина, как только Брат Гарнер подошел к кафедре. Он тоже постарел, но его голос не изменился, она никогда не забудет этот голос.

– Сегодня мы собрались здесь, чтобы проститься с великим человеком, Николасом Кейсом, безвременно ушедшим из жизни, чтобы соединиться со своим Господом.

Жаклин нервно заерзала. Она почувствовала себя не в своей тарелке. Она не принадлежала к этому городу и этой церкви. На самом деле, она не заходила в церковь с тех пор, как была здесь последний раз, пятнадцать лет назад. Жаклин рассеяно слушала, как Брат Гарнер читает некролог, без удивления заметив, что ее имя не было даже упомянуто среди родственников. Затем вперед вышел дядя Уолтер, разворачивая бумажку из кармана. Он начал читать, безо всяких эмоций перечисляя достоинства и достижения ее отца. И это был его единственный брат. Боже, что за семейка.

Она почувствовала касание нежной руки, их пальцы переплелись. Повернувшись, она посмотрела Кей в глаза.

– Ты в порядке?

Жаклин кивнула и, наклонившись ближе, шепнула Кей в ухо.

– Спасибо, что ты здесь. Думаю, я бы уже сбежала, если бы не ты.

– Они ничего тебе не сделают.

– Да, я знаю.

Жаклин просидела всю службу как в тумане – панегирик, пение, проповедь. Она ощущала присутствие Кей, ее руки, ее взгляды. Когда все закончилось, она встала и вместе со всеми молча направилась к выходу. Некоторые смутно знакомые лица оборачивались на нее. Ей показалось, что она узнала Рене Тернер. Тернеры дружили с ее родителями, и Рене была больельщицей, примеру которой должна была последовать Жаклин по настоянию матери.

– Ты помнишь, где находится кладбище? – спросил Джон.

– Не совсем.

– Можешь следовать за нами.

– Я поеду с ней, – предложила Кей.

– Спасибо.

– Скоро все закончится, – пообещала Мэри, легонько похлопав Жаклин по руке.

– Я вынуждена пропустить эту часть, – сказала Роуз. – Наверняка, в кафе будет много народу, раз все в городе. Мне лучше вернуться и помочь маме.

– Спасибо, что пришла, Роуз.

– Пожалуйста. Мне всегда нравился твой отец. Позаботишься, чтобы моя сестра нормально добралась до дома?

– Конечно.

Когда все ушли, Жаклин и Кей переглянулись.

– Поехали, – Жаклин кивнула в сторону машины. – Не могу дождаться, когда, наконец, выберусь из этой одежды.

– Да? Не привыкла к костюмам?

– Шорты. Джинсы. Не более.

– Почему-то я не удивляюсь?

Жаклин остановилась у блестящей черной машины, галантно открыв пассажирскую дверь для Кей.

– Ого, – пробормотала Кей, погладив рукой гладкую кожу.

– Взяла в аренду.

– Красуешься? – догадалась Кей.

– Может быть.

Они ползли в веренице других машин, Жаклин послушно включила фары, как и все остальные.

– Тебе было тяжело там? – спросила Кей.

– Странно. Но не тяжело, – Жаклин взглянула на Кей. – Я ощущала себя не в своей тарелке.

– Могу себе представить. Ты слышала шушуканье?

– О да. Четко и ясно.

– Тебе было неприятно?

– Нет. Думаю, я пошла на похороны из чувства долга. Мне наплевать, что обо мне думают все остальные. Ты меня осуждаешь?

– Конечно, нет. Я удивилась, что ты вообще вернулась. И что собираешься еще присутствовать на кладбище.

– Разве это не обязательно? – спросила Жаклин.

– Обязательно? Для ближайших родственников – да. Большинство же едет из любопытства. Но так как твоей матери не будет, шоу не получится.

Жаклин помолчала, барабанив пальцами по рулю.

– Я с трудом отношу себя к ближайшим родственникам. Мое имя даже не упомянули в некрологе. Меня пятнадцать лет не было в их жизни, почти столько же, сколько я здесь жила, я даже ничего не чувствую, Кей.

– И я не виню тебя. Я так понимаю, твоя мать не была счастлива увидеть тебя сегодня?

– Несмотря на корсет и беспомощность, она была, как обычно, редкой стервой. На самом деле, она грозилась вызвать охрану, чтобы вышвырнуть меня.

– Удивительно. И ты ее единственный ребенок.

– Да, удивительно, – Жаклин взглянула в зеркало и снова на Кей. – Знаешь, я не хочу слушать дальнейшую чушь от Брата Гарнера. Давай пропустим кладбище.

– Пропустим? Джеки, мы не можем его пропустить. Во-первых, мы уже в процессии.

– Что ж, давай вырулим из нее, – Жаклин резко повернула влево в переулок, подрезав остальных. – Где мы оказались, черт побери?

– Ты неисправима! Ты можешь себе представить, что они сейчас говорят о нас?

– Меня это не волнует. Я просто хочу вылезти из этого чертового костюма и натянуть джинсы, – Жаклин снова повернула, возвращаясь в сторону церкви. – Если я правильно помню, вот дорога обратно.

– Да. Она проходит за школой.

– Ах, да. Сейчас я вспомнила, – Жаклин прибавила скорость на опустевшей дороге, когда процессия удалась. – Кто остался в твоём магазине сегодня?

– Френни. Выпускница, которая помогает мне по субботам и в летнее время.

– Дела идут хорошо?

– Нормально.

– Она ждет тебя сегодня после обеда?

– Я сказала ей, что заеду позже. А что?

– Хочешь прогуляться?

– Куда? Пойти купаться в Голубую Лагуну? – рассмеялась Кей. – В прошлый раз, за это меня посадили под домашний арест на две недели.

– А у меня отняли машину.

– Всего на неделю, если я правильно помню.

– Да уж, это была еще та пытка, когда мать возила меня каждый день в школу.

Кей улыбнулась.

– Я бы хотела подольше побыть с тобой.

– Я тоже. Есть идеи?

– Ну, сегодня солнечно и тепло, – Кей озорно вздернула брови. – Хочешь пойти на реку?

– Кей Гарланд, ты смутьянка! Последний раз, когда ты уговорила меня пойти на речку, нас поймали за распитием пива и курением травки.

– Ты принесла пиво и травку!

Жаклин рассмеялась.

– Боже, как хорошо снова видеть тебя, – она потянулась через стойку, чтобы пожать Кей руку.

– Да, я знаю. Мне тебя не хватало. Я очень скучала по тебе.

– Да. У нас не было возможности попрощаться. Все произошло так быстро... меня просто вырвали отсюда и...

– Я знаю, Джеки. Сначала я плакала. Я не понимала, как ты могла уехать, не сказав мне ни слова. Но мама... она все объяснила. О твоей матери, и почему они отослали тебя. А потом я злилась, что ты позволила им сделать это. А когда ты так и не написала и не позвонила, я еще больше злилась. Я думала, что наша дружба ничего не значила для тебя.

– О, Кей. Мне очень жаль. Это не так. За эти годы я очень часто думала связаться с тобой, но... ну, чем больше проходило времени, тем больше я убеждала себя, что ты не захочешь меня слышать. Черт, я считала, что ты уже не помнишь меня.

– Я знаю, что в глубине души ты не могла верить в то, что я забыла тебя. Мы были близкими подругами, мы делили с тобой все.

– Твоей лучшей подругой, которая оказалась лесби, и не нашла мужества рассказать тебе об этом.

– Мы были детьми. Но Джеки, ты должна была мне доверять во всем.

Во всем? Интересно, как бы она отреагировала, если бы Жаклин призналась, что именно сексуальные чувства к Кей, тогда открыли ей глаза. Жаклин посмотрела на свою давнюю подругу, ее каштановые волосы свободно обрамляли выразительные брови, бросая тень на голубые глаза, которые Жаклин знала наизусть. Неосознанно, Жаклин потянулась и отодвинула пряди, чтобы открыть глаза. Это были те самые заботливые и честные глаза, которые она помнила.

– Я боялась рассказать тебе, – наконец, призналась Жаклин. – Черт, я всего боялась. И, как оказалось, не напрасно.

Когда они подъехали к загородному клубу, Жаклин притормозила, охранник открыл ворота. Как только Жаклин припарковалась, Кей выбралась, оглядывая ухоженную лужайку и дом. Она молча последовала за Джеки к входной двери, ожидая, пока та откроет замок.

– Мило.

– Да, так и есть. Осмотрись. А я быстренько переоденусь.

Когда Жаклин вышла, Кей рассматривала фотографии в гостиной. Она всю жизнь знала Лоуренсов, но ни разу не была в их доме. Лоуренсы и Гарланды вращались в разных социальных кругах. На самом деле, она до сих пор считала невероятным, что они с Джеки вообще стали друзьями. Кейсы были самой влиятельной семьей в Пайн Спрингс. Совсем не той семьей, с которой Кей могла бы чувствовать себя комфортно. Но, они с Джеки просто совпали с детства. Сначала миссис Кейс пыталась удержать Джеки, направить ее к детям из семей-членов

загородного клуба. Но, как Кей говорила уже не один раз, Джеки была упрямой. В конце концов, миссис Кейс сдалась, позволяя Джеки иногда оставаться у Гарландов на выходные. Это была привычка, которая сохранилась до выпускных классов. Кей было достаточно дружбы с одной только Джеки. Она вспомнила, как ревновала, когда Джеки начала встречаться с Денни Торнтоном. Только по этой причине она согласилась видеться с Билли Рейем.

Она застонала, не желая вспоминать это. Не теперь. Несмотря на обещание Роуз, она еще не пережила это. Она сомневалась, что когда-то вообще переживет. Это было самое ужасное время в ее жизни, время, когда она особенно нуждалась в Джеки. Но Джеки испарилась без единого слова.

– Почему ты хмуришься?

Повернувшись, Кей обнаружила более привычную Джеки. В джинсах и майке, она выглядела расслабленной. Она всегда такой была. Милый подросток, которого она знала, вырос в очень привлекательную женщину. Хотя, тот подросток никогда бы не стал гладить майку и заправлять ее в джинсы. Она улыбнулась.

– Так лучше?

– Намного, – Жаклин подошла ближе. – Почему хмуришься?

– Я просто размышляла.

– О чем?

– О тебе. Обо мне. О школе.

– А-а. Как на счет того, чтобы взять напитки прежде, чем поехать на речку, а? Мы сможем поговорить. Будет совсем как в старые времена.

– Да, я с радостью.

Глава десятая

Дорога к реке была такой, какой помнила ее Жаклин. Ухабистой. Лексус легко преодолел все выбоины, и они доехали до конца, свернув на проселочную дорогу, идущую вдоль реки.

– Выглядит, совсем как раньше, – заметила Жаклин. – Только больше мусора.

– Да. Больше мусора. Не думаю, что школьники приходят сюда также часто, как мы в наше время.

– Что ж, они не знают, что теряют.

Вместо пива они купили вина, согласившись, что доросли до него для своих прогулок у реки. Жаклин взяла бутылку и штопор, которые они купили, а Кей бросила на заднее сиденье одеяло, когда они заезжали к ней домой переодеться. Улыбаясь, они шли той же самой дорогой, как сотни раз в юности. Как отметила Жаклин, ничего не изменилось. Лес отступал прямо у кромки воды, и они нашли место под большой сосной. Кей расстелила одеяло, и они обе сели, скрестив ноги, глядя на реку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.